

этому, и впоследствии, посылая Перовскому экземпляры Пугачевского бунта и, смешав собственное имя, писал: «Отдайте один экземпляр майору, который смешивает Валенштейна с вальдшнепом»⁵.

РАССКАЗЫ П. В. И В. А. НАЩОКИНЫХ

Первая беседа 1 октября 1851 года

Лицей помещался в Царскосельском дворце*. В одном корпусе здания помещалось заведение, в другом жило царское семейство: их соединяла церковь, находившаяся в середине дворца; здесь сходились, на хорах, воспитанники и члены императорской фамилии, и Александр нередко становился на сторону, где ставили воспитанники, обходясь с ними очень ласково. Сначала заведение открыто было только на 30 человек, но так как это число не было формально объявлено, то родители навезли отовсюду детей, и число желавших поступления далеко превышало 30. Не поступившие в Лицей сначала разместились пансионерами у профессоров, и один из последних, Гауэншильд, преподававший немецкий язык, составил из них целый пансион, который обратил на себя внимание императора, был им утвержден и причислен к Лицею, под названием Лицейского пансиона**. Года через 2 или 3 эти заведения пришли в такое отношение. Из воспитанников Лицея (число их уменьшилось до 28, ибо один умер, другой, Гурьев, не желая быть сеченым, был исключен)¹ составили высший, второй курс, воспитанники же Пансиона — низший, первый. Каждый пробывал в обоих курсах по 3 года и, стало быть, учился 6 лет. Высший курс носил золотые петлицы, низший серебряные (первоначально же все ходили просто в сереньких курточках). Заведение содержалось богато². Для каждого лицеиста была

* Постановление о Лицее высочайше утверждено 19 августа 1810 года. (Периодическое сочинение об успехах народного просвещения 1812, № XXXII) (Точнее — Лицею был отведен дворцовый флигель, построенный в конце XVIII века между Знаменской церковью и церковным флигелем дворца. — *Сост.*)

** Перевод Истории Карамзина на немецкий язык начат был при деятельном подкреплении Государственного Канцлера Графа Румянцева Директором Благородного Пансиона Императорского Царскосельского Лицея, Коллежским Советником Гауэншильдом; с седьмого тома продолжал оный, под смотрением и с участием Карамзина, Доктор Философии и Кавалер Эртель.

РАССКАЗЫ В. И. ДАЛЯ. 17 ЯНВАРЯ 1860

Даль познакомился с Пушкиным в 1832 в Спб. Жуковский долго хотел поехать с ним вместе к Пушкину, но ему было все некогда. Даль взял новую свою книжку и пошел сам представиться¹.

Пушкин живо интересовался изучением народного языка, и это их сблизило. За словарь свой Даль принял по настоянию Пушкина. В 1833 году П-н приехал в Оренбург, где тогда Даль служил при Перовском. Вслед за тем из Нижнего-Новгорода от тамошнего губернатора Бутурлина пришла к Перовскому бумага с извещением о путешествии Пушкина, который состоял под надзором полиции². С Перовским Пушкин был на ты и приехал прямо к нему; но в доме генерал-губернатора поэту было не совсем ловко, и он перешел к Далю; обедать они ходили вместе к Перовскому. Впрочем, Пушкин оставался в Оренбурге несколько дней, собирая рассказы о Пугачеве. Они ездили вместе с Далем в Берды³. Пушкина очень забавлял и смешил рассказ о том, как раз Пугачев пришел в Бердах в церковь и при всей толпе народа сел на престол, промолвив: «Давненько я не сидел на престоле». Даль помнит, как, едучи в Берды, Пушкин говаривал ему, что у него на уме большой роман, но он не соберется сладить с ним. «Погодите, — прибавил он, — я еще много сделаю; я теперь перебесился». В Оренбурге был инженерный майор какой-то, необыкновенный балагур, самый веселый рассказчик и охотник. У него была отличная баня, куда Даль и повел Пушкина. После мытья в роскошный предбанник явился сам хозяин и стал потешать гостя своими рассказями и прибаутками.

«Вы стреляете уток?» — спросил его Пушкин. «Как уток! — воскликнул с притворным гневом майор, — чтобы я стал охотиться за такой дрянью! Утку убьешь, она так и шлепнется прямо в грязь. Нет, мы ходим за востроносными; того подстрелишь, он распластает крылья и умирает на воздухе, как Брут»⁴. Пушкин очень хохотал

особенная комната, что составляло ряд номеров, разделяемых коридором, по концам которого стояли две умывальницы. В одной из комнат тут же жил надзиратель, совершавший, между прочим, и ночные дозоры. Часов в 7 звонок будил воспитанников, они умывались, другой звонок звал их в нижний этаж здания, где поочередно читались молитвы и воспитанники пили чай. От 10 до 12 классы, — два предмета, два профессора. В час обед, затем от 2 до 5 опять классы, и остальное время было свободное, т. е. предоставлялось делать, что угодно. Стеснений никаких не было. Хотя из Лицея никого никогда не пускали домой, однако обращение было до того свободно, что в саду лицеисты без опасения курили в присутствии надзирателя, должность которого исправлял до последнего времени Чириков, учитель рисования. После, по присоединении Гауэншильдского пансиона, был еще надзиратель — Калинич.

Директор Лицея был Малиновский, брат Алексея Федоровича, известного начальника Московского Архива.

При Лицее была библиотека, знаменитая тем, что принадлежала Вольтеру, у которого куплена Екатериною. Многие книги носят отметки знаменитого владельца. Воспитанники свободно могли ею пользоваться. «Основанием нашей Библиотеки (говорит профессор Я. Ханыков в отчете о состоянии императорского Александровского Лицея, читанном на акте Лицея 12 июня 1850 (стр. 22), послужило, как известно, драгоценное собрание книг, подаренное Лицею его августейшим учредителем; некоторые из них находились в личном употреблении самого государя с его собственноручными замечаниями и отметками. В настоящее время библиотека содержит в себе 5.756 сочинений»³.

Ученье было довольно легкое, энциклопедическое; особенной любви к наукам в Лицее не оказывалось, хотя воспитанники уважали преподавание и преподавателей*.

Профессора Закона Божия и Богословия: сначала **Музовский**, отправленный после в Пруссию для обучения Александры Федоровны; потом **Мансветов**, человек

* Проект учения в Лицее был дан на рассмотрение знаменитому графу (***) Местру, бывшему Сардинскому посланнику, сочинителю «Du rare», «Les soirées de St.-Petersbourg» и пр. Местр написал по сему случаю письма ко графу Разумовскому, в коих напал жестоко (а часто и справедливо) на предположенное учение. (Соб<олевский> — далее везде не уточняется. — Сост.)

строгий*. Русской словесности **Кошанский**, воспитанник Московского Университетского пансиона.

Он же и профессор Латинского языка.

Греческий язык не преподавался.

Психологии — **Куницын**, после него Логики и Нравственной Философии — **Галич**.

Математических наук — **Карцев**. Немецкого языка — **Гауэншильд**. Французского — **Будри**; человек пожилых лет, брат знаменитого Марата, очень на него похожий лицом; он, с соизволения Екатерины II, переменял фамилию, страшную в летописях истории, и назвался Будри, по местечку, где он родился. Его класс был один из самых веселых; переводил с воспитанниками Недоросля Фон-Визина, переводил, прыгал, поддувал перушком, подобно Митрофанушке.

Особенного расположения к кому-нибудь из профессоров не было⁴. Профессора неаккуратно приезжали на лекции, затем, между прочим, что некоторые из них, например, Будри, преподававший во всех женских заведениях, жил в Петербурге.

В Лицее и Пансионе воспитанники устраивали театр и играли, но Пушкин и Дельвиг никогда не играли. Играли Нового Стерна, Чудаки⁵.

Пушкин поступил в Лицей при самом его основании. Нащокин (который был одним годом его моложе) был в Пансионе Гауэншильда. Они часто видались и скоро подружились. Пушкин полюбил его за живость и остроту характера. Вообще Пушкин любил всех товарищей, врагов у него не было. Хотя у Пушкина в Пансионе был брат (Лев), но он хаживал в Пансион более для свидания с Нащокиным, чем с братом (глупый Нащокин, умный К.).

Экзамен, который (один раз) посетил Державин, был один из обыкновенных годовичных, а не выпускной⁶. Об ласке Державина к Пушкину не было особенно говорено тогда.

В 1816 г. Лицей и церковь сгорели, и тотчас за этим выпустили воспитанников, в том числе и Пушкина, который, стало быть, не пробыл урочных 6 лет**.

Нащокин вышел раньше Пушкина, не кончив курса, еще не переведенный из Пансиона в Лицей. С тех пор

* Его не должно смешивать с братом, сочинителем «Voyage autour de ma chambre» и «Le Lépreux de la cité d'Aoste» (Соб.).

** Неправда. Пушкин вышел в июне 1817 г.; пожар Лицея и Дворца был в 1820 году. (Лонг<инов> — далее везде не уточняется. — Сост.).

надолго прекратились его сношения с Пушкиным, до самого 1828 г., когда в Москве началась самая тесная дружба.

Приезжая в Москву, Пушкин всегда останавливался у Нащокина и всегда радовался, что извозчики из почтамта умели найти его квартиру и привезти его к нему, несмотря на то, что он менял квартиры. Всего дольше он жил у старого Пимена, в доме <Иванцовой>⁷.

Когда он приезжал к нему, они тотчас отправлялись в бани (Лепехинские, что были у Смоленского рынка) и там вдоволь наговаривались, так что им после не нужно было много говорить: в обществе они уже вполне понимали друг друга*. Вставал Пушкин довольно рано, никуда не выходил, покуда не встанет Нащокин, просыпавшийся довольно поздно, потому что засиживался в Английском клубе, куда Пушкин не ездил. Питая особенную к нему нежность, он укутывал его, отправляя в клуб, крестил.

Писать стихи Пушкин любил на отличной бумаге, в большом альбоме, который у него был с замком; ключ от него он носил при часах, на цепочке. Стихов своих несколько не скрывал от Нащокина**.

Роман «Дубровский» внушен был Нащокиным. Он рассказывал Пушкину про одного белорусского небогатого дворянина, по фамилии Островский (как и назывался сперва роман), который имел процесс с соседом за землю, был вытеснен из имения и, оставшись с одними крестьянами, стал грабить, сначала подъячих, потом и других. Нащокин видел этого Островского в остроге⁸.

Сказку о Царе Салтане Пушкин написал в дилижансе, проездом из Петербурга в Москву⁹.

Распорядителем суммы, вырученной за продажу сочинений Пушкина, был граф Строганов, один из душеприказчиков, поручивший это дело какому-то Отрешкову (из 250 — только 30 т.)***. После Пушкина осталось только 75 рублей денег и 60 тысяч долгу, уплаченного

* Пушкин был членом Московского Английского клуба; выбран в 1829 году в один день с Баратынским; но после выбыл из членов (Лонг.).

** Это вздор; книга была такая у Пушкина только до отсылки в изгнание. (Соб.) (Соболевский ошибается — такой «альбом» был у Пушкина в 1830 г.— Сост.)

*** Наркизу Торосенко-Отрешкову Соболевский, который надул опеку и за одну перевозку экземпляров с места на место показал в счете 5 тысяч рублей. Издание (в 11 том.) Сочинений Пушкина скверно по милости Атрешкова же. (Лонг.)

государем¹⁰. Из 75 на память взяли себе по 25 — Жуковский, Виельгорский* и Нащокин. Последнему же достался бумажник, архалук (подаренные в собрание Погодина), маска, отданная Сухотину, и часы, которые он уступил Гоголю¹¹.

Пушкин не любил Вяземского, хотя не выражал того явно; он видел в нем человека безнравственного, ему досадно было, что тот волочился за его женою, впрочем, волочился просто из привычки светского человека отдавать долг красавице**. Напротив, Вяземскую Пушкин любил¹².

Баратынский не был с ним искренен, завидовал ему, радовался клевете на него, думал ставить себя выше его глубокомыслием, чего Пушкин в простоте и высоте своей не замечал***.

Октябрь 7

У М. П. Погодина было нечто вроде литературного вечера. От своих многочисленных занятий Погодин хотел на несколько часов оторваться и посвятить эти часы воспоминаниям о Пушкине. Такова была собственно цель собрания. Приглашены были издатель Пушкина, П. В. Анненков, которому именно Погодин хотел доставить случай узнать что-нибудь новое о покойном, ближайший друг последнего Нащокин, далее один из позднейших лицеистов Мей, я и еще кое-кто, в том числе Г. Эраст Благодеров, который в начале вечера читал свою статью на Петербургские журналы — нечто-талантливое, но несколько тривиальное. — Погодин, кажется, не достиг своей цели. Хотя и много было говорено о Пушкине, но мало нового, дело шло как-то вяло. Вот все, что мною было узнано там. Нащокин и другие сообщили свои догадки о лицах, к которым есть обращения в стихотворении: 19 октября 1825 г. (т. III, стр. 16)¹³: «Он не пришел, кудрявый наш певец» относится к молодому товарищу Пушкина по Лицею, Корсакову, брату известного президента Академии Дондукова (прибавлено от жениной фамилии) — Корсакова, который по выходе из Лицея уехал в Италию и там умер****.

Следующие за тем две строфы относятся к моряку,

* у которого (?) у глазу бородавка.

** Это натяжка! (Соб.)

*** Это сущая клевета. (Соб.)

**** да (Соб.)

тоже товарищу Пушкина по Лицею — теперь Контр-Адмиралу **Матюшкину**.

Далее в 9-й строфе стихи:

«О мой
Ты усладил изгнания день печальный,
Ты в день его Лицея превратил»,

по догадке Нащокина, должны относиться к **Гревницу**¹⁴.

Следующая за тем строфа обращена к Горчакову, как говорил мне прежде и Шевырев*.

Дальнейшее обращение относится к Дельвигу.

Мой брат родной по музе, по судьбам — **Вильгельм** (Кюхельбекер).

В поэме: Домик в Коломне (т. II, стр. 340) есть одно обращение, относящееся к г-же **Зуровой**, которая прежде была за графом **Страйновским**, а урожденная Буткевич (сообщил Нащокин).

Ответ Ф. Т.** (Туманскому), т. III, 59. Здесь говорится*** о г-же **Паниной**, урожденной Пушкиной, сестре г-жи Зубковой, в которую Пушкин был влюблен****. Стихотворение написано в Москве. Нащокин замечал Пушкину, что стих: «Нет, не агат в глазах у ней» может означать, что у нее нет на глазах белым¹⁵.

То Dawe esqr. (стр. 72) «Рисуй **Олениной** черты»¹⁶, по словам Погодина*****.

Превосходное стихотворение, начинающееся: «Когда твои молодые лета» (стр. 83), по словам Нащокина, обращено к теперешней графине **Закревской**¹⁷.

Мадона, написанная рукою Пушкина в альбоме Юрья Никитича Бартенева, по общему отзыву, относится к Наталье Николаевне, жене поэта¹⁸.

На стр. 121 третьего тома, послание к Ш..ву есть послание к известному князю **Шаликову**¹⁹. Приведу здесь другое стихотворение Пушкина, относящееся к тому же лицу, которое я слышал от покойного учителя Рязанской Гимназии Н. Н. Титова (впоследствии Инспектора Владимирской Гимназии):

* да (Соб.).

** Не Тютчеву ли? (Лонг.)

*** да (Соб.).

**** да (Соб.).

Князь Шаликов, газетчик наш печальной,
Елегии семье своей читал,
А казачок огарок сальной
Пред ним со трепетом держал.
Вдруг он заплакал, зарыдал.
«Вот вы с него пример берите, дуры!» —
Князь дочерям своим сказал.
«Почто, о милое дитя природы,
Слезой наполнился твой взор?»
(А мальчик отвечал),
«Мне хочется на двор!»²⁰

На стр. 123: вероятно, к **Пушину**, лицейскому товарищу²¹.

На стр. 131: к **Всеволожскому**²².

На стр. 136: к графу **Самойлову** (по свидетельству Нащокина)²³.

На стр. 138: к **Чаадаеву**²⁴.

На стр. 154: к **Давыдову** Александру Львовичу, одному из трех братьев. В их семействе, в селе Каменке, Пушкин гашивал. Тот же Давыдов есть и Фальстаф, см. т. XI²⁵.

На стр. 156: к **Языкову**²⁶.

Череп к Дельвигу²⁷.

Подражания **Корану** посвящены П. А. **Осиповой**, соседке Пушкина по Псковской деревне (сообщил Погодин).

Окончание Пророка: (219)

Встань, встань, пророк России,
В позорны ризы облекись,
Иди, и с вервием вокруг шеи (выи?)
...явись (от Погодина, то же сообщил и Хомяков)²⁸.

Вот Олин, божия коровка,
Вот Каченовский, злой паук,
Вот и Свиныи, Российский жук,
Вот Глинка, черная мурашка,
Вот Ранч, мелкая букашка (242)²⁹.

Г. Мей, из слов которого можно было заключить, что он лицеист, сообщил, что, по преданию, на стенах лицейского карцера сохранялось несколько строф Руслана и Людмилы. Он же прочел эпиграмму Пушкина на лицейского доктора Пешеля, где упоминается лакей Сазонов, который ходил за Пушкиным во время его болезни (этого не записал).

Он же прочел другую эпиграмму:

К Смирдину как ни зайдешь,
Ничего не купишь,
Иль Сенковского найдешь,
Иль в Булгарина наступишь³⁰.

(Между прочим о Булгарине. Т. Н. Грановский, познакомившийся с Пушкиным у Плетнева, раз шел с ним пешком с дачи в Петербург. Они говорили, и этот разговор Грановский причисляет к приятнейшим в своей жизни. Говоря о Булгарине, Пушкин сказал, что напрасно его слишком бранят, что где-нибудь в переулке он с охотою с ним встретится, но чтоб остановиться и вступить с ним в разговор на улице, на видном месте, на это он — Пушкин — никак не решится.)

Еще эпиграмма, сообщенная тем же:

Поэт Неведомский, неведомый никем
Поэт неведомо зачем.

Неведомский после этого оставил стихи, стал писать прозу и помещал статьи свои впоследствии у Пушкина в «Современнике»³¹.

По словам того же, Татьяна в высшем обществе срисована с графини Строгановой, урожденной Кочубей*.

Погодин говорит, что о первых годах литературной деятельности Пушкина многое можно узнать от Долгорукова, что женат на Шатиловой, и от Мазуриных**.

Г. Мей говорит, что собрание ненапечатанных стихов Пушкина есть у Г. Тинькова, что живет в Орловской губернии. — Демон относится к А. Раевскому, которого сестра за М. Ф. Орловым.

Нащокин сказал, что первые стихи Пушкин написал на французском языке еще будучи 8 лет***. Пушкин, по его же словам, пользовался царскою милостью на пользу другим. Так, когда умер Н. Н. Раевский, Пушкин выпросил его вдове (внучке знаменитого Ломоносова, как заметил Погодин) пенсию: Государь ей назначил 12.000 пенсиону****. Еще выпросил прощения одному офицеру, кото-

рый за то, что выпустил из-под надзора кн. Оболенского, был разжалован в солдаты и встретился с Пушкиным во время его путешествия в Арзрум³².

Пушкин ввел в обычай, обращаясь с царственными лицами, употреблять просто одно слово: государь. Когда наследник заметил ему, что он не Государь, Пушкин отвечал: Вы г. наследник, а отец ваш г. император. Его высочество Михаил Павлович любил шутить с Пушкиным, они говаривали о старинном оружии, об военном уставе, об Артикуле³³. Государыню Пушкин очень любил, благоговел перед нею. Когда Пушкина перевезли из Псковской деревни в Москву, прямо в кабинет Государя, было очень холодно. В кабинете топился камин. Пушкин обратился спиною к камину и говорил с Государем, отогревая себе ноги; но вышел оттуда со слезами на глазах и был до конца признателен к Государю³⁴.

8-го Октября

На письме Нащокина к Пушкину, писанном в Туле 1834 года и находившемся в бумагах Пушкина³⁵, но по смерти его возвращенных Натальею Николаевною к Нащокину, рукою Пушкина, на обороте, написано:

Настойчка травная,
Настойчка тройная,
На зелья составная!
Удивительная!..
Вприсядку при народе
Тряхнул бы в хороводе
Под: Збранный Воеводе
Победительная!..*

Нащокин и жена его с восторгом вспоминают о том удовольствии, какое они испытывали в сообществе и в беседах Пушкина. Он был душа, оживитель всякого разговора. Они вспоминают, как любил домоседничать, проводил целые часы на диване между ними; как они учили его играть в вист, и как просиживали за вистом по целым дням; четвертым партнером была одна родственница Нащокина, невзрачная собою; над ней Пушкин любил подшучивать. Любя тихую домашнюю жизнь, Пушкин неохотно принимал приглашения, неохотно ездил на так называемые литературные вечера. Нащокин сам уговаривал его ездить на

* Стихи Мятлева, которого произведения Пушкин очень любил и беспрестанно твердил (Соб.).

* Никогда не слышал (Соб.). (Это сообщение подтверждается и другими источниками. — Сост.)

** Никогда не видел (Соб.).

*** Поэму La Joliade (Соб.).

**** Не сам (Соб.).

них, не желая, чтобы про него говорили, будто он его у себя удерживает. В пример милой веселости Пушкина Нащокин рассказал следующий случай. Они жили у Старого Пимена, в доме Иванова. Напротив их квартиры жил какой-то чиновник, рыжий и кривой, жена у этого чиновника была тоже рыжая и кривая, сынишка — рыжий и кривой. Пушкин для шуток вздумал волочиться за супругой и любовался, добившись того, что та стала воображать, будто действительно ему нравится, и начала кокетничать. Начались пересылки: кривой мальчик прихаживал от матушки узнать у Александра Сергеевича который час и пр Сама матушка с жеманством и принарядившись прохаживала мимо окон, давая знаки Пушкину, на которые тот отвечал преуморительными знаками. Случилось, что приехал с Кавказа Лев Сергеевич и привез с собою красивый порошок, которым можно было совсем перекрасить волосы. Раз почтенные супруги куда-то отправились; остался один рыжий мальчик. Пушкин вздумал позвать его и перекрасить. Нащокин, как сосед, которому за это пришлось бы иметь неприятности, уговорил удовольствоваться одним смехом.

В этот же раз Павел Войнович рассказал мне подробнее о возвращении Пушкина из Михайловского в 1826 г. Послан был нарочный сперва к Псковскому Губернатору с приказом отпустить Пушкина. С письмом Губернатора этот нарочный прискакал к Пушкину. Он в это время сидел перед печкою, подбрасывал дров, грелся. Ему рассказывают о приезде фельдъегеря. Встревоженный этим и никак не ожидавший чего-либо благоприятного, он тотчас схватил свои бумаги и бросил в печь: тут погибли его записки (см. XI т.) и некоторые стихотворные пьесы, между прочим стихотворение **Пророк**, где предсказывались совершившиеся уже события 14 декабря*. Получив неожиданное прощение и лестное приглашение явиться прямо к императору, он поехал тотчас с этим нарочным и привезен был прямо в кабинет Государя. Камин. О разговоре с Государем Нащокин не помнит. Я было думал, что он скрывает от меня его, но он божится, что действительно не знает³⁶.

В это посещение Нащокин сообщил мне автографы писем Пушкина к нему и драгоценные письма, касающиеся последних дней поэта. Многого мы не говорили. Жена Нащокина между прочим сказывала, что много писем у них

* Пророк приехал в Москву в бумажнике Пушкина (Соб.).

распропало, раздарено и пр. Одно письмо она даже раз встретила на сальной свечке: таково было небрежение, о котором теперь сами они вспоминают с горестью. Она же говорит, что недавно в одном журнале было напечатано известие: некто продал другому письмо Пушкина к Нащокину за 50 р. серебром, и содержание письма тоже напечатано³⁷.

Стихотворение: Е. Н. У.—...ковой, III, 168, написано к Ушаковой, в которую Пушкин был влюблен³⁸; у них был тогда дом свой на Пресне. Теперь она за Наумовым*.

Нащокин с умилением, чуть не со слезами вспоминает о дружбе, которую он имел с Пушкиным. Он уверен, что такой близости Пушкин не имел более ни с кем, уверен также, что ни тогда, ни теперь не понимают и не понимали, до какой степени была высока душа у Пушкина; говорит, что Пушкин любил и еще более уважал его, следовал его советам, как советам человека больше него опытного в житейском деле. Горько пеняет он на себя, что, будучи так близок к великому человеку, он не помнил каждого слова его. Вообще степень доверия к показаниям Нащокина во мне все увеличивается и теперь доверие мое переходит в уверенность. Он дорожит священной памятью и сообщает свои сведения осторожно, боясь ошибиться, всегда оговариваясь, если он нетвердо помнит что-либо.

Сведения о прошедшей жизни Булгарина, которыми Пушкин так искусно воспользовался в статье о Мизинчике³⁹, были получены им случайно. У Нащокина раз обедали князь Дадьян и полковник Владимир Николаевич Специнский, который в бытность свою в Остзейских провинциях был свидетелем всех пакостей Булгарина, тогда еще ничтожного негодяя, и, услышав его имя у Нащокина, рассказал его историю. Нащокин после просил Специнского повторить свой рассказ в присутствии Пушкина. У Нащокина обо всем этом написана коротенькая статья⁴⁰.

Пушкину все хотелось написать большой роман. Раз он откровенно сказал Нащокину: Погоди, дай мне собраться, я за пояс заткну Вальтер Скотта!**

* Екат<ерина> Николаевна ныне Наумова (Соб.).

** Пушкин, хотя и весьма уважал Вальтер Скотта, но ставил *Promessi sposi* выше всех его произведений (Соб.). (Соболевский имеет в виду роман итальянского писателя А. Манцони «Обреченные», вышедший во французском переводе в 1828 г. Русский перевод, вы-

Вот воспоминание самого Пушкина о своем детстве, переданное Нащокину им самим. Семейство Пушкиных жило в деревне. С ними жила одна родственница, какая-то двоюродная или троюродная сестра Пушкина, девушка молодая и сумасшедшая. Ее держали в особой комнате. Пушкиным присоветовали, что ее можно вылечить испугом. Раз Пушкин-ребенок гулял по роще. Он любил гулять, воображал себя богатырем, расхаживал по роще и палкою сбивал верхушки и головки растений. Возвращаясь домой после одной из прогулок, на дворе он встречает свою сумасшедшую сестру, растрепанную, в белом платье, взволнованную. Она выбежала из своей комнаты. Увидя Пушкина, она подбегает к нему и кричит: *Moi frère, on te prend pour un incendie.*

Дело в том, что для испуга к ней в окошко провели кишку пожарной трубы и стали поливать ее водою. Пушкин, видно, знавший это, спокойно и с любезностью начал уверять ее, что ее сочли не за пожар, а за цветок, что цветы также поливают⁴¹.

У Пушкина был еще, кроме Льва, брат, который умер в малолетстве. Пушкин вспоминал, что он перед смертью показал ему язык. Они прежде ссорились, играли; и, когда малютка заболел, Пушкину стало его жаль, он подошел к кровати с участием; больной братец, чтобы подразнить его, показал ему язык и вскоре затем умер (См. рассказ Шевырева; вероятно, это тот самый брат)⁴².

Следующий рассказ относится уже к совершенно другой эпохе жизни Пушкина. Пушкин сообщал его за тайну Нащокину и даже не хотел на первый раз сказать имени действующего лица, обещал открыть его после.— Уже в нынешнее царствование, в Петербурге, при дворе была одна дама, друг императрицы, стоявшая на высокой степени придворного и светского значения*. Муж ее был гораздо старше ее, и, несмотря на то, ее молодые лета не были опозорены молвою <не было человека, к которому бы она питала>**; она была безукоризненна в общем мнении любящего сплетни и интриги света. Пушкин рассказал Нащо-

кину свои отношения к ней по случаю их разговора о силе воли. Пушкин уверял, что <в> при необходимости можно удержаться от обморока и изнеможения, отложить их до другого времени. Эта блистательная, безукоризненная дама, наконец, поддалась обаяниям поэта и назначила ему свидание в своем доме. Вечером Пушкину удалось пробраться в ее великолепный дворец; по условию он лег под диваном в гостиной и должен был дожидаться ее приезда домой. Долго лежал он, теряя терпение, но оставить дело было <нев> уже невозможно, воротиться назад — опасно*. Наконец, после долгих ожиданий он слышит, подъехала карета. В доме засуетились. Двое лакеев внесли канделябры и осветили гостиную. Вошла хозяйка в сопровождении какой-то фрейлины: они возвращались из театра или из дворца. Чрез несколько минут разговора фрейлина уехала в той же карете. Хозяйка осталась одна. «*Etez-vous là?*»**, и Пушкин был перед нею. Они перешли в спальню. Дверь была заперта; густые, роскошные гардины задернуты. Начались восторги сладострастия. Они играли, веселились. Пред камином была разостлана пышная полость из медвежьего меха. Они разделись донага, вылили на себя все духи, какие были в комнате, ложились на мех... Быстро проходило время в наслаждениях. Наконец, Пушкин как-то случайно подошел к окну, отдернул занавес и с ужасом видит, что уже совсем рассвело, уже белый день. Как быть? Он наскоро, кое-как оделся <смущенная хоз>, поспешая выбраться. Смущенная хозяйка ведет его к стеклянным дверям выхода, но люди уже встали. У самых дверей они встречают дворецкого, Итальянца <печки уже топят>. Эта встреча до того поразила хозяйку, что <она> ей сделалось дурно; она готова была лишиться чувств, но Пушкин, сжав ей крепко руку, умолял ее отложить обморок до другого времени, а теперь выпустить его как для него, так и для себя самой. Женщина преодолела себя. В своем критическом положении они решились прибегнуть к посредству третьего. Хозяйка позвала свою служанку, старую, чопорную французенку, уже давно одетую, и (нрзб) ловкою в подобных случаях. К ней-то обратились с просьбою провести из дому. Французенка взялась. Она свела Пушкина вниз, прямо в комнаты мужа. Тот еще спал. Шум шагов его разбудил. Его кровать была за ширмами. Из-за ширм

полненный Н. И. Павлицевым, печатался в «Литературной газете», 1831 г.— *Сост.*)

* Графиня Фикельмонт, ур. Хитрово (Лонг.).

** Здесь и дальше в ломаных скобках зачеркнутое в оригинале. (Примеч. М. А. Цявловского.)

* Ожидания Германа в Пиковой даме.

** Вы здесь? (*фр.*)

он спросил: «Кто здесь?» — «Это — я», — отвечала ловкая наперсница и провела Пушкина в сени, откуда он свободно вышел: если б кто его здесь и встретил, то здесь его появление уже не могло быть предосудительным. На другой же день Пушкин предложил Итальянцу-дворецкому золотом 1000 руб., чтобы он молчал, и хотя он отказывался от платы, но Пушкин принудил его взять. — Таким образом все дело осталось тайною. Но блистательная дама в продолжение четырех месяцев не могла без дурноты вспомнить об этом происшествии*⁴³.

Вот, по рассказу и уверению Нашокина, самые верные обстоятельства, бывшие причиною дуэли Пушкина. Дантес, красавец собою, ловкий юноша, чуть не дитя, приехал в Петербург и был принят прямо офицером в лейб-гвардию — почет почти беспримерный и для людей самых лучших русских фамилий. Уже и это не нравилось Пушкину**. Дантес был принят в лучшее общество, где на него смотрели, как на дитя, и потому многое ему позволяли, например, он прыгал на стол, на диваны, облакачивался головою на плеча дам и пр. Дом Пушкина, где жило три красавицы: сама хозяйка и две сестры ее, Катерина и Александра, понравился Дантесу, он любил бывать в нем. Но это очень не нравилось старику, его усыновителю, барону Геккерну, посланнику Голландскому. Подлый старик был педераст и начал ревновать красавца Дантеса к Пушкиным. Чтобы развести их, он выдумал, будто Дантес волочит за женою Пушкина. После объяснения Пушкина с Дантесом последний женился на Катерине Николаевне. Кажись бы, дело кончено. Но Геккерн продолжал сплетничать, руководил поступками Дантеса, объяснял их по-своему и, наконец, пустил в ход анонимные письма. Исход известен. Таким образом, несчастный убийца был убийцею невольным. Когда кровавое дело совершилось, он говорил, что готов собственною кровью смыть преступление, просил, чтоб его разжаловали в солдаты, послали на Кавказ. Государь император, не желая слушать никаких объяснений, приказал ему не

* Внучка Кутузова, урожден. Тизенгаузен (или Хитрово, не помню), замужем за Австр. Посланником. <Р> <Пикль Мон> Фикель Мон. Мать ее, Лизав. Мих. Хитрово, обожала Пушкина и только к концу немного сердилась на него за Полководца и за излишние похвалы Барклаю. И она неумышленно доставила поэту записку о Сосус <рогоносцах>.

** Пушкину чрезвычайно нравился Дантес за его детские шалости. (Соб.). (Это утверждение Соболевского противоречит запискам в «Дневнике» Пушкина. — *Сост.*).

медленно выехать. Жена его, умершая недавно, уехала с ним. Сам Дантес теперь в Париже. Он принадлежит партии легитимистов <Геккерн умер, оставив ему свое наследство>*.

А. И. Васильчикова, свидетельница всех этих событий, сообщает еще следующее: Жена Пушкина, безвинная вполне, имела неосторожность обо всем сообщать мужу и только бесила его. Раз они возвращались из театра. Старик Геккерн, идя позади, шепнул ей, когда же она склонится на мольбы его сына? Наталья Николаевна побледнела, задрожала. Пушкин смутился; на его вопрос она ему передала слова, ее поразившие. На другой же день он написал к Геккерну свое резкое и дерзкое письмо⁴⁴. Дантес, который после этого должен был <драться за> защищать себя и своего усыновителя, отправился к графу Строганову (отцу Сергея Григ.); этот Строганов был старик, пользовавшийся между аристократами особ[енным] уважением, отличавшийся отличным знанием всех правил аристократической чести, одним словом, был органом общественного мнения в большом свете. Этот-то старец объявил Дантесу решительно, что за оскорбительное письмо непременно должно драться, и дело было решено⁴⁵. — В анонимных письмах участвовал еще и Гагарин, удалившийся после на Запад и перешедший в Иезуиты**⁴⁶.

Пушкин был человек самого многостороннего знания и огромной начитанности***. Известный египтолог Гулянов, встретясь с ним у Нашокина, не мог надивиться, как много он знал даже по такому предмету, каково языковедение. Он изумлял Гулянова своими светлыми мыслями, меткими, верными замечаниями. Раз, Нашокин помнит, у них был разговор о всеобщем языке. Пушкин заметил между прочим, что на всех языках в словах, означающих свет, блеск, слышится буква л.

В этот же вечер мы перебирали с Нашокиным XI том⁴⁷. Рославлев, как говорил сам Пушкин, был написан для того, что Пушкину не нравился характер Полины в романе Загоскина: она казалась ему слишком опошленною; ему

* Геккерн живет поныне в Вене посланником (Соб.).

** Твердо уверен, что это клевета (Соб.).

*** Сергею Сергеевичу Мальцову, отлично знавшему по-латыни, Пушкин стал объяснять Марциала, и тот не мог надивиться верности и меткости его заметок. Красоты Марциала ему были понятнее, чем Мальцову, изучавшему поэта.

хотелось представить, как он изобразил бы ее. Весь рассказ вымышлен⁴⁸.

(Четыре рассказа З.....) — рассказы Натальи Кириловны Загряжской, старухи, статс-дамы.

Фальстаф (стр. 170) — А. Л. Давыдов, <у> к которому Пушкин <гостил> ездил в его деревню Каменку из Одессы, посланный собирать сведения о саранче (см. рассказы Горчакова)⁴⁹.

Анекдот (стр. 173) о Д. и Б. — о Дельвиге и Булгарине. Дельвиг вызвал Булгарина на дуэль. <Плетнев> Рылеев должен был быть секундантом у Б. Нащокин — у Дельвига. Б. отказался. Дел. послал ему ругательное письмо за подписью многих лиц.

Стр. 174 — 100.000 — какой-то тамошний чиновник⁵⁰.

Отрывки биографии*** — самого Нащокина⁵¹. Он показывал мне свои записки, которые Пушкин сократил и переделал в этих маленьких отрывках.

Стр. 200. Лейтон придворный лейб-медик, следовательно, писано в Петербурге⁵².

16 Октября

По словам Нащокина и жены его, Пушкин был исполнен предрассудков суеверия, исполнен веры в разные приметы. Засветить три свечки, пролить прованское масло (что раз он и сделал за обедом у Нащокина, и <после этого> сам смутился этою дурною приметой) и проч. — для него предвещало несчастье. В Петербург раз приехала гадательница Киргоф. Никита и Александр Всеволодские и Мансуров (Павел), актер Сосницкий и Пушкин отправились к ней (она жила около Морской). Сперва она раскладывала карты для Всеволодского и Сосницкого. После них Пушкин попросил ее загадать и про него. Разложив карты, она с некоторым изумлением сказала: О! Это голова важная! Вы человек не простой! (т. е. сказала в этом смысле, потому что, вероятно, она не знала по-русски. Слова ее поразили Всеволодского и Сосницкого, ибо действительно были справедливы). Она, между прочим, предвещала ему, что он умрет или от белой лошади, или от белой головы (Weisskopf). После, Пушкин в Москве перед женьитбой, думая отправиться в Польшу, говорил, что, верно, его убьет Вейскопф, один из польских мятежников, действовавших в тогдашнюю войну⁵³. Нащокин сам не менее Пушкина мнителен и суеверен. Он носил кольцо с бирюзой против насильственной смерти.

В последнее посещение Пушкина (весною 1836 г.) Нащокин настоял, чтобы Пушкин принял от него такое же кольцо от насильственной смерти. Нарочно было заказано оно; его долго делали, и Пушкин не уехал, не дождавшись его: оно было принесено в 1 ночи, перед самым отъездом Пушкина в Петербург. Но этот талисман не спас поэта: по свидетельству Данзаса, он не имел его во время дуэли, а на смертном одре сказал Данзасу, чтобы он подал ему шкатулку, вынул из нее это бирюзовое кольцо и отдал Данзасу, прибавивши: «оно от общего нашего друга»*. Сам Пушкин носил сердоликовый перстень. Нащокин отвергает показание Анненкова, который говорил мне, что с этим перстнем (доставшимся Далу) Пушкин соединял свое <верование> поэтическое дарование: с утратой его должна была утратиться в нем и сила поэзии**⁵⁴.

Нетерпеливость Пушкина, потребность быстрой смены обстоятельств, вообще пылкий характер его выражается между прочим и в том, что он хотел было совсем оставить свою женьитбу и уехать в Польшу единственно потому, что свадьба по денежным обстоятельствам не могла скоро состояться (НВ. Венчание происходило у Старого Вознесения на Никитской). Нащокин был постоянно против этого. Он даже имел с ним горячий разговор по этому случаю, в доме кн. Вяземского. Намереваясь отправиться в Польшу, Пушкин все напевал Нащокину: «Не женись ты, добрый молодец, а на те деньги коня купи»⁵⁵.

Рассказ Данзаса <жене Нащокина>. Отправляясь на дуэль за Новой Деревней на Черную речку, Пушкин встретил на Каменном мосту Данзаса, посадил его к себе в экипаж и на вопрос: куда? за чем? отвечал, что после узнает. Данзас догадался. Он хотел как-нибудь дать знать проходящим о цели их поездки (выронял пули, чтоб увидели и остановили). Дорогою они встретили <жену> Наталью Николаевну, которая возвращалась с гулянья. Всю дорогу Пушкин молчал. Когда потом он был привезен в карете раненый, Данзас тотчас прямо пошел в спальню к жене. Та удивилась, что он зашел к ней в эту комнату. «Александр Сергеевич нездоров!» — отвечал он. Жена <тот> вскрикнула: «Верно, он умер!» — и бросилась к нему.

* <у Дала; известный талисман> (Соб.).

** никогда не слышал (Соб.).

Вот отношения Пушкина к царю и ко двору. Кроме разговора по приезде из Михайловского <с царем у него было еще следующее столкновение>, Пушкин еще писал к царю. Во время Турецкой кампании, когда царя в Петербурге не было, кто-то из офицеров переписал и снова пустил в ход Гавриладиу. Она попала в руки к какому-то лицу, который донес об ней Синоду. Синод потребовал, чтоб нашли автора. Петербургский генерал-губернатор послал за Пушкиным (Эти обстоятельства Нащокин слышал не от самого Пушкина, который не любил вспоминать Гавриладиу), а от некоего Муханова, который был адъютантом у ген.-губернатора*. Сначала Пушкин отозвался, что не один он писал и чтоб его не беспокоили. Но губернатор послал за ним вторично. Тут Пушкин сказал, что он не может отвечать на этот допрос, но так как Государь позволил ему писать к себе (стало быть у них были разговоры), то он просит, чтобы ему дали объясниться с самим царем. Пушкину дали бумаги, и он у самого губернатора написал письмо к царю. Вследствие этого письма государь прислал приказ прекратить преследование, ибо он сам знает, кто виновник этих стихов⁵⁶.

Пушкин очень любил царя и все его семейство⁵⁷. Императрица удивительно как ему нравилась; он благоговел перед нею, даже имел к ней какое-то чувственное влечение. Но он отнюдь не доискивался близости ко двору. Когда он приехал с женою в Петербург, то они познакомились со всею знатью (посредницею была Загряжская). Графиня Нессельроде, жена министра, раз без ведома Пушкина взяла жену его и повезла на небольшой <придворный> Аничковский вечер: Пушкина очень понравилась императрице. Но сам Пушкин ужасно был взбешен этим, наговорил грубостей графине и между прочим сказал: «Я не хочу, чтоб жена моя ездила туда, где я сам не бываю». Слова эти были переданы, и Пушкина сделали камер-юнкером. Но друзья, Виельгорский и Жуковский, должны были обливать холодною водою нового камер-юнкера: до того он был взволнован этим пожалованием!** Если б не они, он, будучи вне себя, разгоревшись, с пылающим лицом, хотел идти во дворец и наговорить грубостей самому царю. Впоследствии

(как видно из письма к Нащокину) он убедился, что царь не хотел его обидеть, и успокоился. Но камер-юнкерского мундира у него не было*. Многие его обвиняли в том, будто он домогался камер-юнкерства. Говоря об этом, он сказал Нащокину, что мог ли он добиваться, когда три года до этого сам Бенкендорф предлагал ему камергера, желая его ближе иметь к себе, но он отказался, заметив: «Вы хотите, чтоб меня также упрекали, как Вольтера!» — «Мне не камер-юнкерство дорого, говорил он Нащокину, дорого то, что на всех балах один царь да я ходим в сапогах, тогда как старики вельможи в лентах и в мундирах». Пушкину действительно позволялось являться на балы в простом фраке, что, конечно, оскорбляло природную знать⁵⁸.

Будучи членом Академии Русской Словесности (жетоны академии он приваживал к Нащокину), Пушкин сильно добивался быть членом Академии Наук, но Уваров не допускал его, и это было одною из причин их неудовольствия⁵⁹.

Великий Гете, разговорившись с одним путешественником об России и слыша о Пушкине, сказал: «Передайте моему собрату вот мое перо». Пером этим он только что писал. Гусиное перо великого поэта было доставлено Пушкину. Он сделал для него красный сафьянный футляр, на котором было <надписано> напечатано: Перо Гёте, и дорожил им**.

Ни наших Университетов, ни наших театров Пушкин не любил. Не ценил Каратыгина, ниже Мочалова. С Сосницким был хорош.

Пушкин был великодушен, щедр на деньги. Бедному он не подавал меньше 25 рублей. Но он как будто старался быть скупее и любил показывать, будто он скуп. Перед свадьбою ему надо было сшить фрак. Не желая расходоваться, он не сшил его себе, а венчался и ходил во фраке Нащокина. В этом фраке, кажется, он и похоронен.

Натура могучая, Пушкин и телесно был отлично сложен, строен, крепок, отличные ноги. В банях, куда ездил с Нащокиным тотчас по приезде в Москву, он, выпарившись на полке, бросался в ванну со льдом и потом уходил опять на полку. К концу жизни у него уже начала показываться лысина, и волосы его переставали виться.

* Николая (Соб.).

** Пустяки; Пушкин был слишком благовоспитан (Соб.).

* Был (Соб.).

** Не выдывал (Соб.).

Почти все произведения Пушкина были слышаны Нащокиным от него самого, еще до печати. Между прочим, читая Бориса Годунова, на сцене у фонтана, Пушкин сказывал ему, что эту сцену он сочинил, едуци куда-то на лошади верхом. Приехав домой, он не нашел пера, чернила высохли, это его раздосадовало, и сцена была записана не раньше, как недели через три; но в первый раз сочиненная им, она, по собственным его словам, была несравненно прекраснее.— (И тайные стихи обдумывать люблю...⁶⁰)

Нащокин помнит также, Пушкин говорил ему, что ему хотелось написать стихотворение или поэму, где выразить это непонятное желание человека, когда он стоит на высоте, броситься вниз. Это его занимало.

(1,218): Во всех альбомах притупивший,
St.-P..., твои карандаши⁶¹.

Сен-При, Лейб-Гусарский офицер, рисовавший на всех карикатуры (кончил самоубийством в Италии вследствие договора с одним Англичанином, который обязывался уплатить все его долги, если он застрелится).

В бытность Пушкина у Нащокина в Москве к ним приезживал Ден<ис> Вас<ильевич> Давыдов. С живейшим любопытством, бывало, спрашивал он у Пушкина: «Ну что, Александр Сергеевич, нет ли чего новенького?» — «Есть, есть», — приветливо говаривал на это Пушкин и приносил тетрадку или читал ему что-нибудь наизусть. Но все это без всякой натяжки, с добродушной простотою.

4 Ноября

По словам Нащокина, Гоголь никогда не был близким человеком к Пушкину. Пушкин, радостно и приветливо встречавший всякое молодое дарование, принимал к себе Гоголя, оказывал ему покровительство, заботился о внимании к нему публики, хлопотал лично о постановке на сцену Ревизора, одним словом, выводил Гоголя в люди.— Нащокин никак не может согласиться, чтобы Гоголь читал Пушкину свои **Мертвые души** (см. Переписку, стр. 145). Он говорит, что Пушкин всегда рассказывал ему о всяком замечательном произведении. О Мертвых же душах не говорил. Хвалил он ему Ревизора, особенно Тараса Бульбу. О сей последней пьесе Пушкин рассказывал Нащокину, что описание степей внушил он. Пушкину **какой-то**

знакомый господин* очень живо описывал в разговоре степи. Пушкин дал случай Гоголю послушать и внушил ему вставить в Бульбу описание степи. От себя прибавлю, что здесь, верно, есть недоразумение и много можно сделать вопросов. Иначе, что за лгуш Гоголь перед публикой.— Нащокин, уважая талант Гоголя, не уважает его как человека, противопоставляя его искание эффектов, самомнение — простодушию и доброте безыскусственности Пушкина — в этом он, конечно, до некоторой степени прав⁶².

Отношения*** к жене Пушкина⁶³. Сам Пушкин говорил Нащокину, что*** как офицеришка ухаживает за его женою; нарочно по утрам по нескольку раз проезжает мимо ее окон, а в вечеру на балах спрашивает, отчего у нее всегда шторы опущены.— Сам Пушкин сообщал Нащокину свою совершенную уверенность в чистом поведении Натальи Николаевны.

Выписки и заметки, которые я счел нужным сделать, по прочтении писем Нащокина к Пушкину, благосклонно сообщенных мне первым. Сии письма Наталья Николаевна по смерти мужа обратно доставила Нащокину⁶⁴.

В письме от 9 июля 1831: «Между прочим был приезжий из провинции, который сказывал, что твои стихи не в моде, а читают нового поэта, и кого бы ты думал, — его зовут Евгений Онегин». — «Мое почтение Натальи Николаевне. Очень много говорят о Ваших прогулках по Летнему Саду — я сам заочно утешаюсь и живо представляю себе Вас гуляющих — нечего сказать, очень, очень хорошо. Вам скучно в Царском Селе; будет весело скоро. Прошу все-нижайше Наталью Николаевну и тогда для меня оставить уголок в своей памяти». — «Я точно с тобой в кабинете, стою и молчу и...»

У Пушкина был дальний родственник, некто Оболенский, человек без правил, но не без ума. Он постоянно вел игру. Раз Пушкин, в Петербурге (жил тогда на Черной речке; дочери его Марье тогда было не больше 2 лет)⁶⁵ не имел вовсе денег; он пешком пришел к Оболенскому просить взаймы. Он застал его за игрою в банк. Оболенский предлагает ему играть. Не имея денег, Пушкин отказывается, но принимает вызов Оболенского играть

* Да; это было при мне (Соб.). Стражинский (?), что в Житомире. Портрет его в кабинете у Плетнева. (Правильная фамилия знакомого Пушкина — Шаржинский С. Д.— Сост.)

пополам. По окончании игры Оболенский остался в выигрыше большим и по уходе проигравшего, отсчитывая Пушкину следующую ему часть, сказал: «Каково! Ты не заметил, ведь я играл наверное!» Как ни нужны были Пушкину деньги, но, услышав это, он, как сам выразился, до того пришел вне себя, что едва дошел до двери и поспешил домой.

23 Ноября

Вера Александровна Нащокина рассказала мне еще следующее о Пушкине. Когда Пушкин жил у них (в последний приезд его в Москву), она часто играла на гитаре, пела. К ним ходил тогда шут Еким Кирилович Загряцкий. Он пел песню, которая начиналась так:

Двое сани с подрезами,
Одни писанные;
Дай балалайку, дай гудок.

Пушкину очень понравилась эта песня; он переписал ее всю для себя своею рукою, и хотя вообще мало пел, но эту песню тянул с утра до вечера.

24 Ноября

Пиковую даму Пушкин сам читал Нащокину и рассказывал ему, что главная завязка повести не вымышлена. Старуха-графиня — это Нат<алия> Петровна Голицына*, мать Дм<итрия> Владимировича, Московского Ген.-Губернатора, действительно жившая в Париже в том роде, как описал Пушкин. Внук ее, Голицын, рассказывал Пушкину, что раз он проигрался и пришел к бабке просить денег. Денег она ему не дала, а сказала три карты, назначенные ей в Париже С.-Жерменем. «Попробуй», — сказала бабушка. Внучек поставил карту и отыгрался. — Дальнейшее развитие повести все вымышлено. Нащокин заметил Пушкину, что графиня не похожа на Голицыну, но что в ней больше сходства с Н. Кирил. Загряжскою, другою старухою. Пушкин согласился с этим замечанием и отвечал, что ему легче было изобразить Голицыну, чем Загряжскую, у которой характер и привычки были сложнее⁶⁶.

* урод. Чернышева, Петра Григор<евича> дочь.

В сентябре 1852 г. я пробыл 11 суток в Москве и два раза навещал Нащокина. Как ни жалуется он на ослабленные памяти, на трудность припоминать и обращаться к драгоценным связям своим с Пушкиным — что всегда <по словам> его <вредно для его здо> расстроивает, однако и этот раз кое-что удалось узнать. Нащокин повторяет, что покойник был не только образованнейший, но и начитанный человек. Так, он очень хорошо помнит, как он почти постоянно держал при себе в карманах одну или две книги, и в свободное время, затихнет ли разговор, разойдется ли общество, после обеда — принимался за чтение. Читая Шекспира, он пленился его драмой: Мера за меру, хотел сперва перевести ее, но оставил это намерение, не надеясь, чтобы наши актеры, которыми он не был вообще доволен, умели разыграть ее. Вместо перевода, подобно своему Фаусту, он передал Шекспирово создание в своем Анджело. Он именно говорил Нащокину: «Наши критики не обратили внимания на эту пиесу и думают, что это одно из слабых моих сочинений, тогда как ничего лучше я не написал»⁶⁷.

Стихи к пастырю церкви действительно написаны были к Филарету⁶⁸. Нащокин полагал, не к Державину ли, обер-священнику, с которым, он помнит, Пушкин был в каких-то сношениях; но в 1831 году Державина уже не было в живых. Шевырев разрешил мое недоумение. Он спрашивал о том у самого высокопреосвященного, который подтвердил дело и ласково улыбнулся, когда Шевырев ему стал говорить о том.

Поэта Державина Пушкин не любил, как человека, точно так, как он не уважал нравственных достоинств в Крылове. Пушкин рассказывал, что знаменитый лирик в Пугачевщину сподличал, струсил и предал на жертву одного коменданта крепости, изображенного в Капитанской Дочке под именем Миронова. Разумеется, он ставил высоко талант Державина и, как помнит Павел Войнович, восхищался особенно его «Вельможею»⁶⁹.

Нащокин беспрестанно повторяет, что на Пушкина много сочиняют и про него выдумывают. Так, анекдот о 1-м Апреле, рассказанный у Горчакова, сущая выдумка⁷⁰ Нащокину раз предлагали нарисовать в альбом; он поручил это сделать своему знакомому и, чтобы не присвоить себе чужого дела, подписался: «П. Нащокин. 1 Апреля»

Горчаков слышал о том от него самого и по забывчивости или иначе как-нибудь приписал это Пушкину.

Ответ Филарета был напечатан в Звездочке (1848, старш. возраста, № 10), разумеется, без обозначения автора:

Не напрасно, не случайно
Жизнь от бога мне дана,
Не без воли бога тайной
И на казнь осуждена.
Сам я своенравной властью
Зло из темных бездн воззвал,
Душу сам наполнил страстью,
Ум сомнеьем взволновал.
Вспомнись мне забытый мною,
Просияй сквозь мрачных дум,
И соизждется тобою
Сердце чисто, правый ум!

8 Марта 1853 г.

«В Апреле» Весною 1836 г. Пушкин приехал в Москву из деревни. Нащокина не было дома. Дорогого гостя приняла жена его. Рассказывая ей о недавней потере своей, Пушкин, между прочим, сказал, что когда рыли могилу для его матери в Святогорском монастыре, он смотрел на работу могильщиков и, любуясь песчаным, сухим грунтом, вспомнил о Войныче (так он звал его иногда): «Если он умрет, непременно его надо похоронить тут; земля прекрасная, ни червей, ни сырости, ни глины, как покойно ему будет здесь лежать». — Жена Нащокина очень опечалилась этим рассказом, так что сам Пушкин встревожился и всячески старался ее успокоить, подавал воды и пр.⁷¹

Пушкин несколько раз приглашал Нащокина к себе в Михайловское и имел твердое намерение совсем его туда переманить и зажить с ним вместе и оседло.

Жжонку называл Бенкендорфом, потому что она, подобно ему, имеет полицейское, усмиряющее и приводящее все в порядок влияние на желудок.

РАССКАЗЫ РАЗНЫХ ЛИЦ

М<осква>. 1853. 30 Окт.

Бодянский <рассказывал> передавал свое студенческое воспоминание. В конце Сентября 1833 года в доме старого Университета (где теперь в библиотеке читальная зала) был на лекции у Давыдова Пушкин (сидел на креслах) По окончании ее взошел в аудиторию Каченов-

ский, и, вероятно, по поводу самой лекции заговорили о Слове о полку Игореве. Тогда Давыдов заставлял студентов разбирать древние памятники. Обращаясь к Каченовскому, Давыдов сказал, что ему подано весьма замечательное исследование, и указал на Бодянского, который, увлеченный Каченовским, доказывал тогда подложность Слова. Услыхавши об этом, Пушкин с живостью обратился к Бодянскому и спросил: «А скажите, пожалуйста, что значит слово харалужный?» Не могу объяснить. Тот же ответ на вопрос о слове «стрикусы». Когда Пушкин спросил его о слове кмет, Бодянский сказал, что, вероятно, слово это малороссийское от кметыти и может значить примета. «То-то же,— говорил Пушкин,— никто не может многих слов объяснить, и не скоро еще объяснят». Через день Пушкин обходил весь Университет вместе с Уваровым и потом скоро уехал¹.

Доселе еще не разыскано, какие первые стихи написал Пушкин на Русском языке. Перебирая труды Об<щества> Л<юбителей> Р<оссийской> С<ловесности>, я встретил там стихи На смерть Кутузова и под ними подпись Пушкин². Но, по уверению <С. Д.> Полторацкого, они принадлежат Алексею Пушкину, о чем Полторацкий знает, кажется, от самого автора или от его родственников. Полторацкий насчитал до 9 (если не более) Пушкинских писателей. Про этого Алексея говорит Василий Львович в стихах, напечатанных в «Московском Телеграфе» 1827 г., за ноябрь № 22 (Послание к***):

Бывал и я забав душой
И Пушкин Алексей, товарищ верный мой,
Со мною выходил на сцену:
Бывало, воспевал на лире я Климену;
Стихов моих он не любил,
Но он любил играть комедию со мною;
Он вздором часто нас смешил
И ум соединял с блестящей острою,
Его уж нет!.. я жив! и пр.

Баратынский сказывал Елагиным (Н. А.), что стихотворение: Не дай мне Бог сойти с ума, напечатано без конца. Было еще две строфы, где выражалась несвязность мыслей сумасшедшего. Издатели, не поняв этого, искали смысла в этих стихах и, как бессмысленные, откинули³.

Жуковский в Белеве (1837, 26 июля) рассказывал Елагиным о дуэли и смерти Пушкина и, между прочим,

говорил, что из бумаг покойного все, относившееся до Петра, царь приказал доставить в свой кабинет.

Живя в Михайловском, Пушкин написал письмо к императору Александру и просил его о дозволении отправиться за границу для того-де, что он страдает аневризмом сердца, и ему необходимо заграничное лечение. Государь в ответ приказал сказать ему, что от этой болезни можно вылечиться и в России. Дали об этом знать его родителям, жившим тогда в Спб., и они через Жуковского просили Ив<ана> Фил<иповича> Мойера, в то время очень известного профессора Анатомии в Дерптском Университете, съездить в Михайловское для произведения надлежащей операции; прислали ему для того и коляску. Мойер спросил позволение на отъезд у Ливена, который тотчас дал ему оное, готовился в путь, как вдруг получил от своего будущего пациента письмо на французском языке, в котором он его умолял ради самого Бога не ехать к нему, уверяя, что он сам желает смерти и не решается ни на какую операцию. Дело тем и кончилось. Впоследствии, когда Мойер встречался с Пушкиным у Жуковского, он был очень с ним любезен, но об этом не поминал ни слова. Письмо Пушкина Мойер затерял.— Слышано от самого Ивана Филиповича⁴.

(Июля 11. 1854. С. Бунино).

П. В. Киреевский в июне 1835 г. прожил несколько недель в Спб. и через Жуковского познакомился с Пушкиным. Он часто видал его у Жуковского и один раз вместе с последним был у Пушкина. Киреевский хорошо помнит большую комнату, со шкапами по бокам и с длинным столом посередине, заваленным бумагами. Пушкин читал Жуковскому свое письмо к Бенкендорфу, которого просил о позволении выехать из Спб., где ему очень было тяжело жить. Рассказами своими о Петре Пушкин удивлял Жуковского.

В 1835 г. (sic), в Июле или Августе, П. В. Киреевский был в Петербурге, вместе с Жуковским, у Пушкина. Он говорил им, между прочим, о своем сильном желании совсем оставить Петербург и уехать совсем в деревню. Он хлопотал об отпуске и читал Жуковскому письмо свою о том к Бенкендорфу.— Пушкин с великою радостью смотрел на труды Киреевского, перебирал с ним его собрание, много читал из собранных им песен и обнаруживал

самое близкое знакомство с этим предметом. Еще прежде, через Соболевского, он доставил Киреевскому тетрадку Псковских песен, записанных с голоса, частью собственною рукою Пушкина, частью другою рукою (около 40 пес.)⁵.

Когда Евгений (теперь Ярославский) был архиепископом Псковским и посетил Святогорский монастырь, к нему внезапно явился с ярмарки Пушкин в одежде русского мужика, чем очень удивил преосвященного⁶.

Обещая Киреевскому собранные им песни, Пушкин прибавил: «там есть одна моя, угадайте!» Но Киреевский думает, что он сказал это в шутку, ибо ничего поддельного не нашел в песнях этих⁷.

Покойница Екатерина Афанасьевна Протасова (мать Воейковой) рассказывала (как говорил мне Н. А. Елагин), что Пушкину вдруг вздумалось приволокнуться за женой Карамзина. Он даже написал ей любовную записку. Екатерина Андреевна, разумеется, показала ее мужу. Оба расхотались и, призвавши Пушкина, стали делать ему серьезные наставления. Все это было так смешно и дало Пушкину такой удобный случай ближе узнать Карамзиных, что с тех пор он их полюбил, и они сблизилась⁸.

Накануне свадьбы Пушкин позвал своих приятелей на мальчишник, приглашал <особыми> записочками. Собралось обедать человек 10, в том числе были Нащокин, Языков, Баратынский, Варламов, кажется, Елагин (Алексей Андреевич) и пасынок его Иван Васильевич Киреевский. По свидетельству последнего, Пушкин был необыкновенно грустен, так что гостям даже было неловко. Он читал свои стихи Прощание с молодостью, которых после Киреевский не видал в печати. Пушкин уехал <перед> вечером к невесте. Но на другой день, на свадьбе, все любовались веселостью и радостью поэта и его молодой супруги, которая была изумительно хороша⁹.

В начале 1827 года Пушкин жил в Москве. Здесь на Масленице встретил его на Итальянском спектакле (в доме Апраксина, что теперь 2-й корпус) Вигель, потом он у него бывал в квартире Соболевского (Собачья площадка). Тогда в Москве читал лекции о Французской поэ-

зии некто Desamp (обожатель В. Гюго и новейшей школы и отвергавший авторитеты Буало, Расина и проч.). Эти лекции читались в зале М. П. Солнцева, дяди Пушкина по Елизавете Львовне. Авдотья Петровна Елагина по знакомству с Декампом взяла билет и ездила слушать. В самую первую лекцию она встретила там Пушкина, который подсел к ней и во все время чтения смеялся над бедным французом и притом почти вслух. Это совсем уронило лекции. Декамп принужден был не закончить курса, и после долго в этом упрекали Пушкина¹⁰.

ОТ КН. ЕК<АТЕРИНЫ> АЛЕКС<ЕЕВНЫ> ДОЛГОРУКОЙ¹
МОСКВА. 1859, 31 МАРТА¹

Любопытно происхождение тещи Пушкина, Натальи Ивановны Гончаровой. Отец ее Загряжский, богатый помещик и владелец села Ярополчи (Волокол. уезда), имел уже несколько человек детей, когда уехал один за границу и в Париже женился на одной француженке. С нею он прижил Наталью Ивановну, которая родилась в Париже. Через несколько времени Загряжский с новою женой и дочерью приехал прямо в деревню к прежней жене и детям. К удивлению, все обошлось ладно, и обе жены очень подружились между собою, так что первая жена не отличала от своих детей Наталью Ивановну и дала ей долю в наследстве². Сводная сестра Натальи Ивановны, Катерина Ивановна Загряжская, жила фрейлиной при дворе, куда поступила, вероятно, через знаменитую тетку свою Наталью Кириловну. Эта Катерина Ивановна впоследствии имела большое влияние на судьбу Пушкина³. В молодости Наталья Ивановна также являлась при дворе и по красоте своей была замешана в какую-то историю: в нее влюбился некто Охотников, в которого была влюблена императрица Елизавета Алексеевна, так что тут была ревность. Она же с Чарторижским Адамом, с позволения Александра. Сама Марья Антоновна <Нарышкина> рассказывала, что они вчетвером (Чарторижский, она, Александр и Елизавета) были в Кронштадте (отправлялось в Америку посольство). Александр так [не разобр. слово], что говорил, чтоб послать за деньгами и уехать жить частными людьми⁴.

Наталья Ивановна была довольно умна и несколько начитана, но имела дурные, грубые манеры и какую-то пошлость в правилах. У нее было несколько человек

сыновей и три дочери, Катерина, Александра и Наталья. В Ярополче было около двух тысяч душ, но, несмотря на то, у нее никогда не было денег и дела в вечном беспорядке. В Москве она жила почти бедно, и когда Пушкин приходил к ней в дом женихом, она всегда старалась проводить его до обеда или до завтрака. Дочерей своих бивала по щекам. На балы они иногда приезжали в изорванных башмаках и старых перчатках. Долгорукая помнит, как на одном балу Наталью Николаевну уводили в другую комнату и Долгорукая давала ей свои новые башмаки, потому что ей приходилось танцевать с Пушкиным.

Пушкин оставался женихом чуть ли не целый год до свадьбы⁵. Когда он жил в деревне, Наталья Ивановна не позволяла дочери самой писать к ней [sic!] письма, а приказывала ей писать всякую глупость и между прочим делать ему наставления, чтоб он соблюдал посты, молился Богу и пр. Наталья Николаевна плакала от этого.

Пушкин настаивал, чтоб поскорее их обвенчали. Но Наталья Ивановна напрямик ему объявила, что у нее нет денег. Тогда Пушкин заложил именье, привез денег и просил шить приданое. Много денег пошло на разные пустяки и на собственные наряды Натальи Ивановны. В самый день свадьбы она послала сказать ему, что надо еще отложить, что у нее нет денег на карету или на что-то другое. Пушкин опять послал денег⁶. Венчались в приходе невесты, у Большого Вознесения. Во время венчания нечаянно упали с налоя крест и евангелие, когда молодые шли кругом. Пушкин весь побледнел от этого. Потом у него потухла свечка. Touts les mauvais augures*, сказал Пушкин. В день свадьбы большой ужин у Пушкина в доме Хитровой, где распорядился Левушка⁷.

Наталья Ивановна была очень довольна. Она любила Пушкина, слушалась его. Он с нею обращался как с ребенком. Может быть, она сознательнее и крепче любила его, чем сама жена. Но раз у них был крупный разговор, и Пушкин чуть не выгнал ее из дому. Она вздумала чересчур заботиться о спасении души своей дочери⁸. У Пушкиных она никогда не жила. В последнее время она поселилась у себя в Яропольце и стала очень несносна: просто-напросто пила. По лечебнику пила. «Зачем

* Все дурные приметы (фр.).

ты берешь этих барышень?»— спросил у Пушкина Соболевский.— «Она целый день пьет и со всеми лакеями...»

Увидел он ее в первый раз у Иогеля на бале около 1826⁹

**ЗАПИСАНО СО СЛОВ КН. М. Н. ВОЛКОНСКОЙ,
УРОЖДЕННОЙ РАЕВСКОЙ
(21 НОЯБРЯ 1856 г. МОСКВА).**

Раевский ехал на Кавказ с сыном Николаем, знакомцем Пушкина по Петербургу, двумя дочерьми, Марьей (14 лет) и девочкою Софьею. Гувернанткой их Англичанкой Мятен, компаньонкою (крестная дочь Раевского, родом татарка, Анна Ив<ановна>, сохранившая в выговоре и лице восточный отпечаток) и доктором военным Рудаковским, довольно тяжелым человеком. Все это помещалось в двух каретах и коляске. Пушкина сначала поместили с младшим Раевским в коляске, а потом генерал взял его к себе в карету, потому что его сильно трясла лихорадка.— Из Пятигорска, где уже находился старший сын Александр (он и после оставался на Кавказе), все они уезжали на горы Бешту пить железные, тогда еще вовсе не известные воды, и жили там в калмыцких кибитках, потому что никакого строения не было.— Раевского всюду встречали с большим почетом; в городах выходили к нему навстречу обыватели с хлебом и солью. При этом он, шутя, говаривал Пушкину: прочтите-ка им свою Оду¹. Что они в ней поймут. Вообще он под-разумевал, что Пушкин принадлежит к масонам, дразнил его и уверял, что из их намерений ничего не выйдет. Он взял слово с обоих сыновей, что они не вступят ни в какое тайное общество.

Броневский был холостяк. Раевский ему покровительствовал.

Из Керчи в Юрзуф они плыли на военном бриге, который нарочно отдан был в распоряжение Раевским. Ночью Пушкин ходил по палубе и бормотал стихи.

Гурзуф — лучшая тогда дача на южном берегу — принадлежала герцогу Ришелье, который предложил Раевскому поместиться в ней. Дом двухэтажный, с двумя балконами, один на море, другой в горы. Тут же вблизи татарская деревня. Там ждала путешественников остальная семья Раевского, жена Софья Алексеевна (Кон-

стантинова) и еще две дочери, старшая всем Екатерина (теперь Орлова) и Елена лет 16-ти. Пушкин особенно любезничал с первой, спорил с ней о литературе и пр. Елена была девушка очень стыдливая, серьезная и скромная. Она отлично знала по-английски и переводила из Байрона и В. Скотта на французский язык; но втихомолку рвала свои переводы и бросала. Брат рассказал о том Пушкину, который под окном подбирал клочки бумаг и обнаружил тайну. Он восхищался этими переводами, уверял, что они необыкновенно близки. В Гурзуфе Пушкин достал какую-то старинную библиотеку и перечитывал Вольтера.— Все разговоры иначе не велись, как по-французски.

Оттуда Пушкин с Раевским и сыном уехали раньше остальной семьи, и заезжали под Киевом к бабушке Давыдовой.

ОТ В. П. ГОРЧАКОВА

Его же рукою (т. е. Пушкина) на клочке бумаги:
5 стр. Читайте: изгнанной лиры

Когда я погибал безвинный, безотрадный
И шепот клеветы внимал со всех сторон,
Когда кинжал измены хладный,
Когда любви тяжелый сон
Меня терзали и мертвили,
Я близ тебя и проч.

7 стр. Как жертву милую, как верный цвет надежд.

Я рано скорбь узнал, постигнут был гоненьем,
Я жертва клеветы и мстительных невед,
Но сердце укрепив свободой и терпеньем,
Я ждал и проч.

Эти поправки Пушкин дал Горчакову при экземпляре Кавк. Пленника, который был прислан ему из Петербурга от Греча*, с приложением 500 рублей за право напечатания этой поэмы. Пушкину был прислан один только экземпляр. Тут же было прислано письмо от Гнедича, в котором он говорит, что за стих:

Твои глаза светлее дня, чернее ночи

* Должно быть — Гнедича.

он бы отдал свое единственное око (как известно, Гнедич был на один глаз крив). Пушкину досадно было взять за пленника такие малые деньги, но на безденежье он был и тому рад.

ОТ П. Я. ЧААДАЕВА

По словам Чаадаева, Граф Сен-При, пэр и знаменитый писатель Франции, прочитав это письмо, сказал, что оно по своему слогу сделало бы честь лучшему писателю — знатоку французского языка. — (Рукопись, о которой в письме идет речь, заключала в себе и тот отрывок, за напечатание которого пострадал Телескоп, его издатель Надеждин и цензор Болдырев.)¹ — Чаадаев говорит, что у него было много писем Пушкина, но что он сжег их с другими своими бумагами, в то время, когда, вследствие одного душевного переворота, решился совершенно переменить свой образ жизни и разорвать все связи с прошедшим, уничтожить все воспоминания прошедшего. — Замечу при сем, что показаниям Чаадаева мне не советуют вполне доверяться, и улыбаются вообще при его имени.

Приписка рукою Соболевского:

Вздор. — Чаадаев был один из лучших друзей Пушкина и вопреки всех своих нелепых странностей уже верно человек, коему довериться можно. Кто улыбается при его имени — улыбается, именно припоминая эти странности, а уж верно (если он не скотина) — не может улыбаться самому Чаадаеву минус странности!

ОТ С. А. СОБОЛЕВСКОГО

Льву Сергеевичу Пушкину.

Наш приятель Пушкин Лев
Не лишен рассудка;
Но с шампанским жирный плов
И с груздями утка
Нам докажут лучше слов,
Что он более здоров
Силюю желудка.

Наш Лев Сергееч очень рад,
Что своему он брату брат¹.

По свидетельству современников, брат Пушкина очень был доволен своею участью, т. е. тем, что он брат такого знаменитого человека. Обыкновенно везде его приветливо встречали, желая узнать что-нибудь о поэте или услышать какое-нибудь новое его произведение. Лев Сергеевич промышлял тем; владея отличною памятью, он ходил из дома в дом, читая наизусть какие-нибудь новые стихи брата. За это он вознаграждал себя хорошими ужинами, к которым его приглашали. Соболевский рассказывает, что он с ним вместе издавал последнюю главу Руслана и Людмилы, уже когда автор ее покинул Петербург, т. е. после февраля 1820 г. Она была в рукописи Пушкина очень небрежно написана, и им стоило большого труда ее печатать. Он умер в Одессе, в июле (19) 1852 года, в звании Члена Одесской Таможни, в чине Надвор. Сов., 49 лет от роду. Был моложе знаменитого брата своего 4-мя годами².

ОТ Ф. Ф. ВИГЕЛЯ

На выздоровление Лукулла

Ты угасал, богач молодой.

После текста стихотворения:

По общему отзыву, богач — ныне живущий еще Дмитрий Николаевич Шереметев, наследник — бывший министр **Уваров**. Пушкин за это имел неприятности. Оттого это стихотворение и не было перепечатано в полное собрание.

Шереметев был болен, живя в какой-то своей деревне. В Петербург к его многочисленной дворне стали приходить известия о его болезни. Люди собирались в церквях, служили молебны об его здоровьи. Наконец прискакал фельдъегерь с известием, что жизнь его на волоске и что он, вероятно, уже умер. Тогда Уваров явился запечатывать дом. Соболевский рассказывает также, что Пушкин в особенности любил в этом стихотворении стих: «Как ворон к мертвечине падкой».

Когда Бенкендорф призвал Пушкина и спросил его с угрозою, на кого он написал эти стихи, тот с смелюю любезностью отвечал: «На вас!» Бенкендорф рассмеялся, и Пушкин убедил его, что Уваров имеет одинаковое с ним, Бенкендорфом, основание почитать себя обиженным.

По неудовольствию с министром А. Н. Голицыным принужденный оставить место Попечителя Слб. учебного округа, Уваров поступил в Министерство финансов (оставаясь Президентом Академии Наук). Он занесивал расположение Канкрин, ласкал детей его и до того часто ходил к ним в детскую и осведомлялся о здоровье, что его считали как будто за лекаря и дети показывали ему язык.

Большая часть имения Уварова принадлежала жене его, дочери Министра народного просвещения, Анне Алексеевне Разумовской, на которой он женился по расчету, ибо перед тем вследствие неудавшегося откупа или какой-то денежной сделки все состояние Уварова колебалось и погибало.

Пользовался, говорят, дровами из Академии Наук. Стихотворение написано летом или раннею осенью 1835 г. Вигель рассказывает, что на казенные дрова указал Пушкину он.

Когда Шереметев умирал, Уваров в Государственном совете жаловался на лихорадку. «Ah! — заметил ему вслух граф Литта, — *c'est la fièvre d'impatience**». Это было известно в высшем обществе.

Наследником Уваров приходился потому, что Шереметев был сын Николая Петровича, а мать жены Уварова была Варвара Петровна¹.

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ 1870-х — 1880-х ГОДОВ

Пушкин восхищался стихами из Воейковского Дома сумасшедших:

И, чтоб разом кончить речь,
Благороден, как Булгарин,
Бескорыстен так, как Греч.

Он повторял часто эти стихи, уверяя, что лучше их нет¹.

*J'epouse une madonne louche et rousse*** — писал Пушкин Е. М. Хитровой про свою невесту. (От гр. Е. Ф. Тизенгаузен.)

* Ах! (...) это лихорадка нетерпения (фр.).

** Я женюсь на косой и рыжей мадонне.

Пушкина в Царс. Селе граф Васильев застал в его доме в одном халате, без всякого белья. Он стал говорить молодому лейб-гусару про вышедшего тогда Конька-Горбунка: «Этот Ершов владеет русским стихом точно своим крепостным мужиком». Это было часов в 6 утра. Пушкин зазвал к себе графа Васильева, увидев, как проезжал он мимо его окон, отправляясь на учебу².

ИЗ РАССКАЗОВ А. О. РОССЕТА ПРО ПУШКИНА*

Летом 1831 г. в Царском Селе многие ходили нарочно смотреть на Пушкина, как он гулял под руку с женою, обыкновенно около озера. Она бывала в белом платье, в круглой шляпе, и на плечах свитая по-тогдашнему красная шаль¹.

Где-то на вечере, где были Жуковский, Вяземский и другие, зашла речь о Греческом восстании и об Ипсиланти, которого Пушкин защищал. Спорили, шумели, и Пушкин говорил до того умно, что Жуковский ему сказал: «Ну, Пушкин, ты так умен, что с тобою говорить невозможно; чувствуешь, что ты неправ, и, однако, с тобою соглашаешься». Эти слова были неловкостью относительно других собеседников. Все они это про себя почувствовали, но Пушкин тотчас же изгладил это впечатление, отвечая на слова Жуковского самым громким и самым чистосердечным хохотом.

Когда появился Полководец, Пушкин спрашивал молодого Россета (учившегося в Пажеском корпусе), как находят эти стихи в его кругу, между военною молодежью, и прибавил, что он не дорожит мнением знатного, светского общества².

В Петербурге был некто Крюковской (хромой, служивший по кредитной части). Он путешествовал, был у Шафарика и привез от него какую-то для Пушкина книгу, с поручением просить у него «Современника». Через посредство Россета Крюковской явился к Пушкину, про-

* Н. М. Смирнов... женат был на А. О. Россет, из братьев которой Аркадий и Клементий Осиповичи Россеты были приятелями Пушкина. Близко зная (скончавшегося прошлым летом) А. О. Россета, я записывал некоторые из его рассказов, и он перечитывал то, что здесь печатается.

вел у него два часа и получил в ответ, что Шафарику со-
вестно посылать «Современник», а если удастся издать
что-нибудь поважнее, тогда пошлет. Пушкин очаровал
Крюковского.

В Петербурге жила некая княгиня Наталья Степа-
новна*, и собирала у себя *la fine de la société***; но
Пушкина не приглашала, находя его не совсем при-
личным. Пушкин об ней говорил: «Ведь она только так
прикидывается, в сущности она Русская *труперда* и
толпёга; но так как она все делает по-французски, то
мы будем ее звать: *La princesse-tolpege*»***.

Княгиню Е. К. Воронцову Пушкин звал *la princesse*
*Belvetrille*****. Это оттого, что однажды в Одессе она,
глядя на море, твердила известные стихи:

Не белеют ли ветрила,
Не плывут ли корабли?³

О подробностях своего одесского житья Пушкин не
любил вспоминать, но говорил иногда с сочувствием
об Одессе, называя ее «летом песочница, зимой чер-
нильница» и повторяя какие-то стихи.

В июне 1836 года, когда Н. М. Смирнов уезжал за
границу, Пушкин говаривал, что ему тоже очень бы хоте-
лось, да денег нет. Смирнов его убеждал засесть в деревню,
наработать побольше и приезжать к ним. Смирнов уве-
рен был, что Государь пустил бы его. Тогда уже, летом
1836 г., шли толки, что у Пушкина в семье что-то не
ладно: две сестры, сплетни⁴, и уже замечали волокитство
Дантеса.

Геккерт — низенькой старик, всегда улыбающийся,
отпускающий шуточки, во все мешающийся.

Брюлов говорил про Пушкина: «Какой Пушкин счаст-
ливец! Так смеется, что словно кишки видны!»

Пушкин был на балу с женой-красавицею и в ее при-
сутствии вздумал за кем-то ухаживать. Это заметили, за-

* Кн. Н. С. Голицына.

** сливки общества (фр.).

*** княгиня толстая, неповоротливая, бестолковая (фр.).

**** княгиня Бельветрил (фр.).

метила и жена. Она уехала с бала домой одна. Пушкин
хватился жены и тотчас поспешил домой. Застает ее в
раздеваньи. Она стоит перед зеркалом и снимает с се-
бя уборы. «Что с тобою? Отчего ты уехала?» Вместо от-
вета Наталья Николаевна дала мужу полновесную по-
щечину. Тот как стоял, так и покатился со смеху.

Он забавлялся и радовался тому, что жена его рев-
нует, и сам с своим прекрасным хохотом передавал эту
сцену приятелям.

В Воскресенье (перед поединком Пушкина) Россет
пошел в гости к князю Петру Ивановичу Мещерскому
(зятю Карамзиной, они жили в д. Виельгорских), и из
гостиной прошел в кабинет, где Пушкин играл в шахма-
ты с хозяином. «Ну что,— обратился он к Россету,—
вы были в гостиной; он уж там, возле моей жены?» Даже
не назвал Дантеса по имени. Этот вопрос смутил Россета,
и он отвечал запинаясь, что Дантеса видел.— Пушкин
был большой наблюдатель физиономий; он стал глядеть
на Россета, наблюдал линии его лица и что-то сказал
ему лестное. Тот весь покраснел, и Пушкин стал громко
хохотать над смущением 23-летнего офицера.

Осенью 1836 г. Пушкин пришел к Клементию Осипо-
вичу Россету и, сказав, что вызвал на дуэль Дантеса, про-
сил его быть секундантом. Тот отказывался, говоря, что
дело секундантов, вначале, стараться о примирении про-
тивников, а он этого не может сделать, потому что не тер-
пит Дантеса, и будет рад, если Пушкин избавит от него
петербургское общество; потом, он недостаточно хорошо
пишет по-французски, чтобы вести переписку, которая
в этом случае должна быть ведена крайне осмотритель-
но; но быть секундантом, на самом месте поединка, ког-
да уже все будет условлено, Россет был готов. После
этого разговора Пушкин повел его прямо к себе обедать.
За столом подали Пушкину письмо. Прочитав его, он обра-
тился к старшей своей свояченице Екатерине Николаев-
не: «Поздравляю, вы невеста; Дантес просит вашей
руки». Та бросила салфетку и побежала к себе. Наталья
Николаевна за нею.— Каков!— сказал Пушкин Россету
про Дантеса⁵.

Рассказывают, что Пушкин звал к себе в секунданты
секретаря Английского посольства Мегенеса; он часто
бывал у графини Фикельмон — долгоносый Англича-
нин (потом был посол в Португалии), которого звали

regquet malade*, очень порядочный человек, которого Пушкин уважал за честный нрав.

Пушкин говаривал Смирнову, что уже теперь нравственность в Петербурге плоха, а посмотрите, что скоро будет un débacle complet**.

Когда появились анонимные письма, посылать их было очень удобно: в это время только что учреждена была городская почта. Князя Г<агарин> и Д<олго-руков> посещали иногда братьев Россет, живших вместе с Скалоном на Михайловской площади в доме Занфтлебена⁶. К. О. Россет получил анонимное письмо и по почерку стал догадываться, что это от них. Он, по совету Скалона, не передал Пушкину ни письма, ни своего подозрения; граф Соллогуб поехал к Пушкину для передачи письма, но он тотчас изорвал его, сказав: C'est une infamie, j'en ai reçu déjà aujourd'hui***.

Вяземские жили тут же подле Мещерских, т. е. близ дома Виельгорских, на углу большой Итальянской и Михайловской площади (ныне Кочурова)⁷.

А. О. Россет перекладывал тело Пушкина с дивана в гроб. «Я держал его за икры, и мне припоминалось, какого крепкого, мускулистого был он сложения, как развивал он свои силы ходьбою».

Граф Фикельмон явился на похороны в звездах; были Барант и другие. Но из наших ни О<рлов>, ни Киселев не показались. Знать стала навещать умиравшего поэта, только прослышав об участливом внимании царя. Стену в квартире Пушкина выломали для посетителей.

В Вене старика Геккерна сухо приняли за эту историю, и Русский посол Медем не хотел быть на дипломатическом обеде у Меттерниха, куда приглашен был Геккерн.

Вас<илий> Львович Давыдов в Сибири, услышав от А. О. Россета подробности о смерти Пушкина, плакал, и потом рассказывал, что он говаривал Пушкину: «Мы тебя не примем в свое общество, но ты будешь нам петь»⁸

А я, таинственный певец,
Пловцам я пел...

* Больной попугай (фр.).

** Полный крах (фр.).

*** Это гнусность, я уже получил такое сегодня (фр.).

ИЗ РАССКАЗОВ КНЯЗЯ ПЕТРА АНДРЕЕВИЧА И КНЯГИНИ ВЕРЫ ФЕДОРОВНЫ ВЯЗЕМСКИХ

(Записано в разное время, с позволения обоих)

В 1816 году для Карамзина отвели казенный дом в Царском Селе, прямо против Лицейского сада (второй дом от угла)¹. Бруни, отец знаменитого художника, занимавшийся при дворе реставрациею картин, нарисовал нарочно на стене одной комнаты этого дома портрет Карамзина. Карамзин очень этому удивился и немедленно велел замазать портрет.— Рядом с ним жил граф Толстой (женатый на Протасовой), который не мало удивлялся, за что Карамзину такая милость.

Чаадаев познакомился с Пушкиным у Карамзина. Еще прежде он слышал о нем от своего товарища по Московскому университету А. С. Грибоедова, который хвалил ему стихи Пушкина на возвращение Государя из чужих краев в 1815 году (этих стихов Пушкин никак не хотел печатать)².

В 1818 г. И. В. Васильчиков сказал Чаадаеву, своему адъютанту: «Вы любите словесность. Не знаете ли вы молодого поэта Пушкина? Государь желает прочесть его стихи, не напечатанные». Чаадаев передал о том Пушкину и с его согласия отдал Васильчикову «Деревню», которая отменно полюбила Государю (была переписана самим Пушкиным, разумеется, с ее последними стихами, которые долго не разрешались к печати)³.

Карамзин писал князю Вяземскому от 24 декабря 1817 из С.-Петербурга в Варшаву: «Наш усердный собеседник — поэт Пушкин, который у нас в доме смертельно влюбился в Пифию Голицыну* и теперь проводит у нее вечера: лжет от любви, сердится от любви, только еще не пишет от любви. Признаюсь, что я не влюбился бы в Пифию: от ее трезубца пышет не огнем, а холодом».

В другом письме Карамзин писал:

«Царское Село, 17 мая 1820. А. Пушкин был несколько дней совсем не в пиитическом страхе от своих стихов на Свободу и некоторых эпиграмм, дал мне слово уняться

* Известная княгиня Ночная (Princesse Nocturne), супруга московского богача князя Сергея Михайловича, жившая с ним врознь. Она писала и печатала по-французски.

и благополучно поехал в Крым месяцев на пять*. Ему дали рублей 1000 на дорогу. Он был, кажется, тронут великодушием Государя, действительно трогательным. Долго описывать подробности; но если Пушкин и теперь не исправится, то будет чертом еще до отбытия своего в ад. Увидим, какой эпилог напишет он к своей поэмке!**

Княгиня Вяземская в 1824 г. ездила в Одессу с сыном Николаем, лет 7-ми. Пушкин очень его любил и учил всяким пакостям.— «Будь он постарше, я бы вас до него не допустила». В Одессе Пушкин прибегал к княгине Вяземской и, жалуясь на Воронцовых, говорил, что подает в отставку. Когда решена была его высылка из Одессы, он прибежал впопыхах с дачи Воронцовых, весь растерянный, без шляпы и перчаток, так что за ними посылали человека от княгини Вяземской. Иногда он пропадал. Где вы были?— На кораблях. Целые трое суток пили и кутили.— Раз, во время прогулки по морю на лодке, он прочитал княгине своего Демона. Он признавался княгине в своей любви к Ризнич и сказывал, что муж отослал ее за границу из ревности.

Когда Пушкин был женихом, свадьба долго откладывалась; княгиня Вяземская по его просьбе ездила к Н. И. Гончаровой и просила скорее кончать. Пушкин отдал своих 25 т. на приданое. Будущего пушкинского тестя, умоповрежденного Николая Афанасьевича Гончарова, княгиня Вяземская видала в церкви у Большого Вознесения в Москве и говела с ним в одно время. Он прекрасно говорил по-французски и любил употреблять отменные выражения. «Je vous félicite avec la réception de la sainte cène»***.

Летом 1826 года князь Вяземский провел в Ревеле с осиротевшею семьею Карамзиных. Княгиня оставалась в Москве. Возвращенный Пушкин тотчас явился к ней. Из его рассказа о свидании с царем княгиня помнит заключительные слова: «Ну теперь ты не прежний Пушкин, а мой Пушкин»⁵. К последним праздникам коронации возвратился в Москву князь Вяземский. Узнав о том, Пушкин бросился к нему, но не застал дома, и когда

ему сказали, что князь уехал в баню, Пушкин явился туда, так что первое их свидание после многолетнего житья в разных местах было в номерной бане.

В письме своем к будущей теще (в Р. Архиве 1873 года)⁶ Пушкин говорит: *le mot de bienveillance** и пр. Князь Вяземский думает, что это относится вот к чему. Зная, что Пушкин давно влюблен в Гончарову, и увидав ее на балу у кн. Д. В. Голицына, князь Вяземский поручил И. Д. Лужину, который должен был танцевать с Гончаровой, заговорить с нею и с ее матерью мимоходом о Пушкине, с тем, чтобы по их отзыву доведаться, как они о нем думают. Мать и дочь отозвались благосклонно и велели кланяться Пушкину. Лужин поехал в Петербург, часто бывал у Карамзиных и передал Пушкину этот поклон.

Н. Н. Пушкина сама сказывала княгине Вяземской, что муж ее в первый же день брака, как встал с постели, так и не видал ее. К нему пришли приятели, с которыми он до того заговорился, что забыл про жену, и пришел к ней только к обеду. Она очутилась одна в чужом доме и заливалась слезами.

Через несколько месяцев, уже в Царском Селе, она пришла к Вяземским в полном отчаянии: муж трое суток пропадает. Оказалось, что на прогулке он встретил дворцовых ламповщиков, ехавших в Петербург, добрался с ними до Петербурга, где попался ему возвратившийся из Польши из полку своего К. К. Данзас, и с ним пошел кутеж...

Еще за месяц или за полтора до рокового дня Пушкин, преследуемый анонимными письмами, послал Геккерну, кажется, через брата жены своей, Гончарова, вызов на поединок. Названный отец Геккерна, старик Геккерн, не замедлил принять меры. Князь Вяземский встретился с ним на Невском, и он стал рассказывать ему свое горестное положение: говорил, что всю жизнь свою он только и думал, как бы устроить судьбу своего питомца, что теперь, когда ему удалось перевести его в Петербург, вдруг приходится расстаться с ним; потому что во всяком случае, кто из них ни убьет друг друга, разлука несомненна. Он передавал князю Вяземскому, что он желает сроку на две недели для устройства дел, и просил князя помочь ему. Князь тогда же понял старика и не взялся за посредничество; но Жуковского старик разжалобил: при

* Важное показание. И так ссылка в Екатеринослав к Инзову предполагала и поездку в Крым, красота которого уже тогда была известна государю Александру Павловичу; притом Пушкин высылался не надолго. Вероятно дальнейшие его выходки понудили продлить наказание⁴.

** «Руслан и Людмила».

*** Поздравляю вас с принятием святого причастия (фр.).

* благожелательно, благосклонно (фр.).

его посредстве Пушкин согласился ждать две недели.

История разгласилась по городу. Отец с сыном прибегли к следующей уловке. Старик объявил, будто сын признался ему в своей страстной любви к свояченице Пушкина, будто эта любовь заставляла его так часто посещать Пушкиных и будто он скрывал свои чувства только потому, что боялся не получить отцовского согласия на такой ранний брак (ему было с небольшим 20 лет). Теперь Геккерн позволял сыну жениться, и для самолюбия Пушкина дело улаживалось как нельзя лучше: стреляться ему было уже не из чего, а в городе все могли понять, что француз женится из трусости. Свадьбу сыграли в первой половине января. Друзья Пушкина успокоились, воображая, что тревога прошла.

После этого Государь, встретив где-то Пушкина, взял с него слово, что если история возобновится, он не приступит к развязке, не дав знать ему наперед. Так как сношения Пушкина с Государем происходили через графа Бенкендорфа, то перед поединком Пушкин написал известное письмо свое на имя графа Бенкендорфа, собственно назначенное для Государя. Но письма этого Пушкин не решился послать, и оно найдено было у него в кармане шюртука, в котором он дрался. Письмо это многократно напечатано. В подлиннике я видал его у покойного Павла Ивановича Миллера, который служил тогда секретарем при графе Бенкендорфе; он взял себе на память это не дошедшее по назначению письмо⁷.

В 1836 году княжна Марья Петровна Вяземская была невестою (она вскоре и вступила в брак с П. А. Валуевым). Родители принимали лучшее петербургское общество. Н. Н. Пушкина бывала очень часто, и всякий раз, как она приезжала, являлся и Геккерн, про которого уже знали, да и он сам не скрывал, что Пушкина очень ему нравится. Сберегая честь своего дома, княгиня-мать объявила нахалу-французу, что она просит его свои ухаживания за женою Пушкина производить где-нибудь в другом доме. Через несколько времени он опять приезжает вечером и не отходит от Натальи Николаевны. Тогда княгиня сказала ему, что ей остается одно — приказать швейцару, коль скоро у подъезда их будет несколько карет, не принимать г-на Геккерна. После этого он прекратил свои посещения, и свидания его с Пушкиной происходили уже у Карамзиных. Княг. Вяземская предупредила Пушкину относительно последствий ее обращения с Геккерном. «Я люблю вас, как своих дочерей; по-

думайте, чем это может кончиться!» — «Мне с ним весело. Он мне просто нравится. Будет то же, что было два года сряду». — Пушкин сам виноват был: он открыто ухаживал сначала за Смирновой, потом за Свистуновой (ур. гр. Соллогуб). Жена сначала страшно ревновала, потом стала равнодушна и привыкла к неверностям мужа. Сама она оставалась ему верна, и все обходилось легко и ветренно.

Между тем посланник (которому досадно было, что сын его женился так невыгодно) и его соумышленники продолжали распускать по городу оскорбительные для Пушкина слухи. В Петербург приехали девицы Осиповы, тригорские приятельницы поэта⁸; их расспросы, что значат ходившие слухи, тревожили Пушкина. Между тем он молчал, и на этот раз никто из друзей его ничего не подозревал. Князь Вяземский жил открыто и принимал к себе большое общество. За день до поединка он возвращается домой поздно вечером. Жена говорит ему, что им надобно на время закрыть свой дом, потому что нельзя отказать ни Пушкину, ни Геккерну; а между тем в тот вечер они приезжали оба; Пушкин волновался, и присутствие Геккерна было для него невыносимо. На другой день князь Вяземский с одним знакомым своим Ленским, гуляя по Невскому, встречают старика Геккерна в извозничьих санях. Их удивило, что посланник едет в таком экипаже. Заметя их, он вышел из саней и сказал им, что гулял далеко, но вспомнил, что ему надо написать письма, и чтобы скорее поспеть домой, взял извозчика. После они узнали, что он ехал с **Черной речки**, где ждал, чем кончится поединок. Пушкина, как более тяжело раненного, повезли домой в карете Геккерна. Аренд, исполняя желание Пушкина, поехал к Государю, но тот был в театре и долго не возвращался. Прождавши до позднего часа, Аренд оставил ему записку, и уже на другой день привез к Пушкину письмо Государя.

Влюбленная в Геккерна, высокая, рослая старшая сестра Екатерина Николаевна Гончарова нарочно устраивала свидания Натальи Николаевны с Геккерном, чтобы только повидать предмет своей тайной страсти. Наряды и выезды поглощали все время. Хозяйством и детьми должна была заниматься вторая сестра, Александра Николаевна, ныне Фризенгоф. Пушкин подружился с нею и одно время отношения их были так близки, что внушали беспокойство друзьям. (Это же мне говорил и Соболевский, который полусхоту напоминал Пушкину, чтобы он

держал себя осторожнее с свояченицей.) Раз Пушкин взял у нее какой-то перстень с бирюзой, которая по суеверным толкам предостерегает от внезапной смерти, носил этот перстень и назад ей отдал. Потом взял у нее цепочку, и уже лежа на смертном одре поручил княгине Вяземской возвратить ей эту цепочку, но непременно без свидетелей. Александра Николаевна ни разу не приходила к умиравшему Пушкину одна, но всегда с сестрою. По кончине Пушкина кн. Вяземская исполнила это поручение его, и прибавила, что он приказал отдать цепочку именно без свидетелей. Та вспыхнула и сказала: «Не понимаю, отчего это!»⁹

Княгиня Вяземская говорит, что Пушкин был у них в доме, как сын. Иногда, не заставая их дома, он уляжется на большой скамейке перед камином и дожидается их возвращения или возится с молодым князем Павлом. Раз княгиня застала, как они барахтались и плевали друг в друга. С княгиней он был откровеннее, чем с князем. Он прибегал к ней и рассказывал свое положение относительно Геккерна. Накануне нового года у Вяземских был большой вечер. В качестве жениха Геккерт явился с невестою. Отказывать ему от дому не было уже повода. Пушкин с женою был тут же, и француз продолжал быть возле нее. Графиня Наталья Викторовна Строганова говорила княгине Вяземской, что у него такой страшный вид, что будь она его женою, она не решилась бы вернуться с ним домой. Наталья Николаевна с ним была то слишком откровенная, то слишком сдержанная. На разезде с одного бала Геккерт, подавая руку жене своей, громко сказал, так, что Пушкин слышал: *Allons, ma légitime* (Пойдем, моя законная). Мадам NN, по настоянию Геккерна, пригласила Пушкина к себе, а сама уехала из дому. Пушкина рассказывала княгине Вяземской и мужу, что когда она осталась с глазу на глаз с Геккерном, тот вынул пистолет и грозил застрелиться, если она не отдаст ему себя. Пушкина не знала, куда ей деваться от его настояний; она ломала себе руки и стала говорить как можно громче. По счастью, ничего не подговаривавшая дочь хозяйки дома явилась в комнату и гостя бросила к ней.

Пушкин не скрывал от жены, что будет драться. Он спрашивал ее, по ком она будет плакать. По том, отвечала Наталья Николаевна, кто будет убит. Такой ответ бесил его: он требовал от нее страсти, а она не думала скрывать, что ей приятно видеть, как в нее влюблен кра-

сивый и живой француз. «Я готова отдать голову на отсечение, говорит княгиня Вяземская, что все тем и ограничивалось и что Пушкина была невинна». Накануне дуэли, вечером, Пушкин явился на короткое время к княгине Вяземской и сказал ей, что его положение стало невыносимо и что он послал Геккерну вторичный вызов. Князя не было дома. Вечер длился долго. Княгиня Вяземская умоляла Василья Перовского и графа М. Ю. Виельгорского дожидаться князя и вместе обсудить, какие надо принять меры. Но князь вернулся очень поздно. На другой день Наталья Николаевна прислала сказать своей приятельнице, дочери Вяземских, Марье Петровне Валуевой, о случившемся у них страшном несчастии. Валуева была беременна, и мать не пустила ее в дом смертной тревоги, но отправилась сама и до кончины Пушкина проводила там все сутки. Она помнит, как в одну из предсмертных ночей доктора, думая облегчить страдания, поставили промывательное, отчего пуля стала давить кишки, и умирающий издавал такие крики, что княгиня Вяземская и Александра Николаевна Гончарова, дремавшая в соседней комнате, вскочили от испуга. Прощаясь с женою, Пушкин сказал ей: *«Vas en campagne, porte mon deuil pendant deux années, puis remaries-toi, mais pas avec un chenapan*»*. Диван, на котором лежал умиравший Пушкин, было отгорожено от двери книжными полками. Войдя в комнату, сквозь промежутки полок и книг можно было видеть страдальца. Тут стояла княгиня Вяземская в самые минуты последних его вздохов. Даль сидел у дивана, кто-то еще был в комнате. Княгиня говорит, что нельзя забыть божественного спокойствия, разлившегося по лицу Пушкина, того спокойствия, о котором пишет Жуковский¹⁰.

На одном вечере Геккерт, по обыкновению, сидел подле Пушкиной и забавлял ее собою. Вдруг муж, издали следивший за ними, заметил, что она вздрогнула. Он немедленно увез ее домой и дорогою узнал от нее, что Геккерт, говоря о том, что у него был мозольный оператор, тот самый, который обрезывал мозоли Наталье Николаевне, прибавил: *«Il m'a dit que le cor de madame Pouchkine est plus beau que le mien**»*. Пушкин сам передавал об этой наглости княгине Вяземской.

* Ступай в деревню, носи по мне траур два года, и потом выходи замуж, но за человека порядочного (фр.).

** Он мне сказал, что мозоль г-жи Пушкиной прекраснее, чем моя (фр.). (Здесь игра слов: *cor* — мозоль, *corps* — тело.— Сост.)

Пушкина чувствовала к Геккерну род признательно-сти за то, что он постоянно занимал ее и старался быть ей приятным.

На вынос тела из дому в церковь Н. Н. Пушкина не явилась от истомления и от того, что не хотела показываться жандармам.

Пушкин не любил стоять рядом со своею женою и шутя говаривал, что ему подле нее быть унижительно: так мал был он в сравнении с нею ростом.

Жену свою Пушкин иногда звал: моя косая Мадонна. У нее глаза были несколько вкось. Пушкин восхищался природным здравым ее смыслом. Она тоже любила его действительно. Княгиня Вяземская не может забыть ее страданий в предсмертные дни ее мужа. Конвульсии гибкой станом женщины были таковы, что ноги ее доходили до головы. Судороги в ногах долго продолжались у нее и после, начинаясь обыкновенно в 11 часов вечера.

Venez m'aider à faire respecter l'appartement d'une veuve*. Эти слова графиня Юлия Строганова повторяла неоднократно и даже написала о том мужу в записке, отправленной в III-е Отделение, где тот находился по распоряжениям о похоронах. Пушкина хоронили на счет графа Г. А. Строганова. Митрополит Серафим, по чьим-то внушениям, делал разные затруднения.

Старик барон Геккерн был известен распутством. Он окружал себя молодыми людьми наглого разврата и охотниками до любовных сплетен и всяческих интриг по этой части; в числе их находились князь Петр Долгоруков и граф Л. С<оллогуб>.

Накануне дуэли был раут у графини Разумовской. Кто-то говорит Вяземскому: «Пойдите, посмотрите, Пушкин о чем-то объясняется с Даршиаком; тут что-нибудь недоброе». Вяземский направился в ту сторону, где были Пушкин и Даршиак; но у них разговор прекратился.

Княгине Вяземской говорили, что отец и мать Геккерна жили в Страсбурге вполне согласно и никакого не было подозрения, чтобы молодой Геккерн был чей-нибудь незаконный сын. Один из чиновников голландского посольства Геверс открыто говорил, что посланник их лжет, давая в обществе знать, будто молодой человек его незаконный сын.

* Приходите помочь мне заставить уважать жилище вдовы (или — вызвать почтение к жилищу вдовы) (фр.).

Пушкин говаривал, что, как скоро ему понравится женщина, то, уходя или уезжая от нее, он долго продолжает быть мысленно с нею и в воображении увозит ее с собою, сажает ее в экипаж, предупреждает, что в таком-то месте будет толчок, одевает ей плечи, целует у нее руку и пр. Однажды княгиня Вяземская, посылая к нему слугу, велела спросить, с кем он тот день уезжает. «Скажи, что сам-третий», — отвечал Пушкин. — Услыхав этот ответ, «третьею верно ты», — заметил князь Вяземский своей жене.

Поэт с радостным нетерпением подъезжал в ямщицком тарантасе к крыльцу Остафьевского дома. «Ну, барин, вот и Остафьево», — оборачиваясь сказал ямщик. Перед крыльцом стояла мужицкая телега, мешавшая подъехать, и лакей, выбежавший на крыльцо встречать поэта, начал, ругаясь, гнать мужика от подъезда. Тогда радостно взволнованный Пушкин, привскочив на сиденья, замахал на лакея руками, крича: «Остафьево, Остафьево!» (Оставь его, оставь его!)

АНЕКДОТ О ПУШКИНЕ

В 1833 г. П. В. Нашокин приехал в Петербург и остановился в гостинице. Это было 29 (?) июня, в день Петра и Павла. Съехалось несколько знакомых, в том числе и Пушкин. Общая радость, веселый говор, шутки, воспоминания о прошлом, хохот. Между тем, со двора, куда номер выходил окнами, раздавался еще более громкий хохот и крик, мешавший веселости друзей: это шумели полупьяные каменщики, которые сидели на кирпичах около ведра водки и деревянной чашки с закускою. Больше всех горланил какой-то лысый мужик с рыжими волосами. Пушкин подошел к окну, прилег грудью на подоконник, сразу заметил крикуна и, повернув голову к нам, сказал: — Тот рыжий, должно быть, именинник? — Тут, оборотясь на двор, он крикнул: — Петр! — Что, барин? — С ангелом! — Спасибо, господин. — Павел! — крикнул он опять и, обернувшись в комнату, прибавил: — В такой куче и Павел найдется! — Павел ушел. — Куда? Зачем? — В кабак... все вышло. Да постой, барин: скажи, почему ты меня знаешь? — Я и старушку матушку твою знаю. — Ой? А батка-то помер? (Очень вероятно у такого лысо-

го.) — Давно, царство ему небесное! Братцы, выпьемте за покойного родителя!

В это время входит на двор мужик со штофом водки. Пушкин, увидев его раньше, закричал: — Павел! С ангелом! Да неси скорее!

Павел, влезая на камни, не сводит глаз с человека, назвавшего его по имени. Другие, объясняя ему, пьют, а рыжий не отстаёт от словоохотного барина: — Так, стало, и деревню нашу знаешь? — Ещё бы не знать! Ведь она близ реки. (Какая же деревня без реки?) — Там, у самой речки. — А ваша-то изба, почитай, крайняя? — Третья от края. А чудной ты, барин. Уж поясни, сделай милость, не святым же духом всю подноготную знаешь? —

— Очень просто: мы с вашим баринком на лодке уток стреляли, вдруг — гроза, дождь, мы и зашли в избу, к твоей старухе... — Так... теперь смеаю... — А вот мать жаловалась на тебя: мало денег высылаешь.

— Грешен, грешен!.. да вот все на проклятое-то выходит, — сказал мужик, указывая на стакан, из которого выпил залпом, и прокричал: «Здравствуй, добрый барин!»

ПУШКИН В КИШИНЕВЕ

(Записано со слов В. П. Горчакова 16 июня 1861 г., в Москве, в Грузинах, в д. Мошкова.)

Командиром 16-й пехотной дивизии 6-го корпуса 2-й армии был **М. Ф. Орлов**. У него начальника штаба не было. Штаб состоял из адъютанта **Калакуцкого** и дивизионного квартирмейстера **В. П. Горчакова**.

В половине 1821 г. **М. Ф. Орлов** приехал назад в Кишинев с молодою женою Екатериной Николаевной, урожденной Раевской. Пушкин необыкновенно уважал ее, но с самим Орловым он не чинился и валялся у него на диванах в бархатных шароварах. Орлов улыбался и раз сказал ему известные стихи:

Мои, твои права равны,
Да мой сапог тебе не впору.

— Эка важность сапоги! — возразил Пушкин, — у слова еще больше должны быть сапоги.

Орлов говорил ему ты, Пушкин ему вы.

Об этих шароварах замечала и жена Крупянского. «Скажите Пушкину, как ему не жарко ходить в бархате». — «Она, видно, не понимает, — вывертывался Пушкин, — что бархат делается из шелку, а шелк холодит».

Екатерина Христофоровна Крупянская, из славного царского рода Комненов, воспитывалась в Смольном монастыре и совсем обрусела. Пушкин с Горчаковым любили ходить к ней, потому что им надоедали плацнды и каймаки других кишиневских хлебосолов, а у Крупянской подавался русский хороший обед. Пушкин, бывало, нарисует Крупянской — похожа; расчертит ей вокруг волоса, — выйдет сам он, потом на эту же самую голову накинёт карандашом чепчик — опять Крупянская.

Пушкин и после землетрясения (за обедом у **М. Ф. Орлова** попадали бутылки со стола), повредившего дом Доича и заставившего Инзова перебраться в другое место, продолжал жить в том же нижнем этаже. С ним был его крепостной лакей, очень верный и преданный малый, **Никита**.

Одно какое-то шуточное стихотворение начиналось:

Дай, Никита, мне одеться,
В Метрополии звонят,

т. е. надо идти к обедне.

У Пушкина сберегалось несколько золотых, которые он считал своею обязанностью не тратить, и лучше занимал, а не разменивал этих золотых. Книги Пушкин брал у Орлова, у Пущина и особенно у штаб-офицера **И. П. Липранди**, имевшего отличную библиотеку. Пушкин много и часто беседовал с ним. От него слышал он рассказ «**Выстрел**». О Кирджали рассказывал Пушкину **М. И. Лекс**, управляющий канцеляриею Инзова.

ПУШКИН В МОГИЛЕВЕ НА ДНЕПРЕ. 1824.

Отставной генерал от кавалерии **Андрей Александрович Куцинский*** в 1824 году молодым корнетом находился в Могилеве (на Днестре) в учебном эскадроне. 4 августа он и товарищи его до поздней ночи читали только что тогда вышедший «**Бахчисарайский фонтан**», восхищались им, говорили о Пушкине, выражали друг другу желание его увидеть, завидовали какому-то Иванову, который как лицеист может видаться с поэтом.

На другое утро Куцинский вышел гулять и видит: по

* Он происходил из роду князей Ипсиланти и был женат на Гернгросс, племяннице **Е. Ф. фон Бракке**, коего Записки в «Русском архиве» 1875 г. (I, 13—257).

улице расхаживает кто-то в виде кучеренка, в русской рубашке, высоких сапогах и ермолке, а поверх всего военная шинель. Появление незнакомца возбудило любопытство. Стали говорить, что этот прохожий, должно быть, сумасшедший. Чтобы узнать, кто он, Куцинский отправился на почтовую станцию и в книге с подорожными прочел: Коллежский секретарь Александр Пушкин. В подорожной исчислены были города, через которые ему следовало. С ним ехал слуга, одетый татарчонком.

В восторге Куцинский бежит к Пушкину, рекомендуется и просит сделать ему честь откушать у него чаю, прямо объявляя ему, что он и его товарищи зачитываются «Бахчисарайским фонтаном». Пушкин очень доволен и замечает, что в печатном тексте один стих не так, а надо:

Корана заповедь святую
Не строже соблюдает он.

Куцинский побежал к товарищам вперед и объявил, что сейчас будет Пушкин. Те подумали, что это граф Владимир Иванович Пушкин, и удивились восторженности вестника. Но имя поэта Пушкина наэлектризовало молодых людей. Очутился ром, Пушкин был очень любезен и, между прочим, расспрашивал Куцинского о военной службе и о том, сколько должно быть в России денщиков. Тот стал ему пересчитывать, по сколько денщиков имеет право держать у себя каждое начальственное лицо. Выходило до 100 тысяч, если строго считать по военному положению.— Сто тысяч загубленного народа, который должен сапоги чистить!— восклицал и горячился Пушкин. Воронцова он поносил и упомянул, между прочим, что отец его просил Государя о помиловании его, представляя, что другой сын у него выгнан из учебного заведения, так что все утешение остается в старшем.

Затем молодые люди повели Пушкина в гостиницу, где полилось шампанское. Пушкин предлагал было карты, но игра почему-то не состоялась. «Вы не думайте, чтобы я не мог играть,— говорил он,— у меня вот сколько денег». И он показывал большой пук ассигнаций.

Записано в Варшаве 14 августа 1873 года со слов А. А. Куцинского.

Воспоминания
современников
о Пушкине,
написанные
по просьбе
П.И. Бартенева
и опубликованные им

